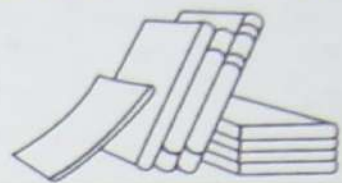
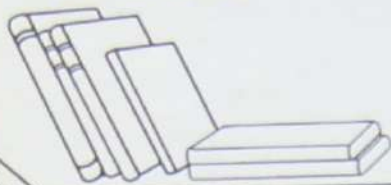

**ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ВЕТЕРАНА**

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
Серия 13. Труженики тыла

Челябинский областной совет ветеранов войны, труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов

Л.А. Попов

Бойцы вспоминают

Серия 13. Труженики тыла

**НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ**

Челябинск 2012г

Данная серия книг подготовлена к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. при содействии Челябинского отделения ОАО «Сбербанк России»

Консультант:

Козлов Евгений Николаевич,

участник штурма Берлина,

почетный председатель городского комитета ветеранов войны, военной службы, боевых действий и правоохранительных органов.

Рецензенты:

Белозерцев Анатолий Константинович,

председатель Челябинской областной писательской организации, член Союза писателей России.

Терехов Алексей Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент.

Попов Л.А.

Бойцы вспоминают. Серия 13. Труженики тыла / Л.А. Попов – Челябинск, 2012.-60с.

На обложке фрагмент плаката худ. П.И. Караченцева
Текст дан в авторской редакции.

Подписано в печать 15.12.2012 г. Формат 30х42/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 3,5. Тираж 120 экз.
Заказ № 153

Отпечатано в типографии «Сити Принт» (ПБОЮЛ Мякотин И.В.)
454080, г. Челябинск, ул. Энгельса, 61А. тел.: (351) 230-34-34; факс: (351) 230-25-26
ИНН 744 700 373 602

Это нашей истории строки

«Имея в 3 раза меньше чем Германия стали и в 4 раза меньше угля, СССР в годы войны создал почти в 2 раза больше боевой техники. 8-11 млн. тонн годового производства металла были использованы в СССР более эффективно, чем 32 млн. тонн в Германии. Секрет этого «экономического чуда» кроется в резком увеличении производства качественной стали в восточных районах страны».

Производство вооружения в СССР и в Германии

<i>Боевая техника</i>	<i>Ед. изм.</i>	<i>СССР (с 1.07.1941 по 30.06.1945)</i>		<i>Германия (1941 – 1944)</i>	
		<i>Всего</i>	<i>За год</i>	<i>Всего</i>	<i>За год</i>
<i>Винтовки и карабины</i>	<i>млн. шт.</i>	12,0	3,0	7,5	1,8
<i>Пистолеты - пулеметы</i>	<i>тыс. шт.</i>	6103	1525	1247	311
<i>Пулеметы</i>	<i>тыс. шт.</i>	954,5	238	617	154
<i>Минометы</i>	<i>тыс. шт.</i>	347,9	86,9	68	17
<i>Полевые орудия (75 мм. и выше)</i>	<i>шт.</i>	97768	24442	44800	11200
<i>Танки и САУ</i>	<i>шт.</i>	95099	23774	53800	13400
<i>Боевые самолеты</i>	<i>шт.</i>	108028	27007	78900	19720

(ВОВ Сов. Союза. М., 1967. С. 561.)

«За годы войны трудовые коллективы Танкограда дали фронту 18 тыс. танков, 48,5 тыс. танк. Моторов, 85 тыс. комплектов топливной аппаратуры; разработали и поставили на серийное производство 13 типов боевых машин и 6 видов танк. двигателей».

«Производство танков Т-34 было налажено всего за 33 дня... Серийный выпуск танков КВ был освоен за 51 день... ИС-2 - за 56 дней».

(Энци. Челяб. обл. Т.6. Челябинск, 2006. С.394; Т.7. С.247.)

«Южный Урал являлся кузницей военных кадров. За годы войны отсюда на фронт было отправлено более 40 соединений и отдельных частей, в т.ч. 6 добровольческих».

(Чел. обл. в годы ВОВ 1941-1945. Челябинск, 2011. С.16.)

«Фронтовые бригады, комс. Молодежные трудовые объединения в тылу в период Великой Отечественной войны; одна из форм патриотического Движения «Все для фронта, все для победы!»

К концу войны только на Чел. Киров. Заводе 1800 Ф.б. объединяли 9 тыс. чел.».

(Энци. Чел. обл. Т.6. Челябинск, 2006. С.897)

«В годы войны 16 предприятий были отмечены государственными наградами. Орденами и медалями награждено более 10,5 тыс. лучших людей области.

Коллективы 18 предприятий получили на вечное хранение знамена ГКО. Более 100 тыс. трудящихся награждены медалями «За доблестный труд в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг.»

(Челябинская область в годы ВОВ 1941-1945 гг. Челябинск, 2011. С.18.)

БОЙЦЫ ТАНКОГРАДА

Минут 30 стоял сплошной гул от разрывающихся бомб, хлопанья зениток, треска зенитных пулеметов и грохота рушившихся зданий. А затем все стихло. Сирена оповестила отбой воздушной тревоги. Рабочие цехов Ленинградского Кировского завода возвращались из укрытий на свои места и, не теряя время, приступали к выполнению каждый своего задания. Среди них выделялся серьезностью не по возрасту Вася Гусев. Всего год назад шестнадцатилетним пареньком прибыл он на завод и быстро освоил профессию токаря. Собирался продолжить учебу, но началась война, и в один из ноябрьских дней 1941 года ему вручили повестку, в которой говорилось: «К часу ночи явиться на Новодеревенский аэродром для эвакуации в тыл. При себе иметь лишь документы, деньги и туалетные принадлежности». А внизу приписка: за неявку — военный трибунал, расстрел.

Время было суровое, к таким припискам все давно привыкли, считали их как нечто само собой разумеющееся. На аэродроме уже были подготовлены к вылету пять двухмоторных самолетов, для переброски через линию фронта первой партии квалифицированных рабочих. Приняв на борт по 25 человек, они взлетели без сигнальных огней и взяли курс на восток. В кромешной ночи над Ладогой их встретили немецкие истребители. Завязался бой. Рабочие располагались вдоль бортов на сиденьях, похожих на скамейки, и держались руками за поручни. А в середине фюзеляжа, наверху, под колпаком, находился стрелок. Он непрерывно вел огонь, в темноте видно было, как отработанная лента его пулемета быстро опускалась в салон.

— Испытывали ли вы в тот момент страх? — спросили много лет спустя Василия Васильевича Гусева.

— Ну что вы, — ответил он, — мы в Ленинграде тогда столько насмотрелись... Мы там по трупам ходили. Так что страха в самолете не было. Но в Тихвине, где мы приземлились, выяснилось, что один из пяти самолетов оказался сбитым, и наша группа уменьшилась на 25 человек. Продолжая путь по железной дороге в теплушках, мы добирались до Челябинска почти целый месяц. Приехали в декабре. На улице трескучий мороз, а мы в кепочках, в полуботинках. Подумалось, скорей бы в цех, где тепло. Но в цехах и на территории тракторного завода только размещалось оборудование, эвакуированное с Ленинградского Кировского и Харьковского дизельного заводов, причем сразу же включалось в работу, иногда под открытым небом. Многим станочникам приходилось работать на морозе. Чтобы эмульсия в станках не замерзала, жгли костры. Люди размещались в семьях местных жителей. Заселили клуб, появились землянки и палатки. Так рождался Танкоград, с конвейеров которого в начале войны ежедневно сходило по три танка, а в конце войны — по тридцать танков.

О создателях грозных машин — генералах Танкограда — В. В. Гусев рассказывает с особым уважением:

«В годы войны директором завода был И. М. Зальцман — талантливый организатор. На заводе он знал все до мелочей. Обход по цехам делал один, правда, при оружии, но без сопровождающих. В любое время мог оказаться в самой отдаленной точке завода и по-простецки поговорить с рабочими, получить от них нужную информацию. За создание новой техники он был награжден тремя орденами Ленина, орденами Суворова 1 степени, Кутузова I степени, Красной Звезды, двумя орденами Трудового Красного Знамени и удостоен звания Героя Социалистического Труда. На его плечах лежало не только огромное производство, но и вопросы быта. Когда в Челябинске появились первые военнопленные, он организовал их на строительство жилых домов, — так возник Киргородок и с жильем стало легче. Являясь одновременно Наркомом танковой промышленности, он сосредоточил в своих руках большую власть и в личном плане мог бы иметь многое. Но после войны из Челябинска уезжал с одним чемоданом...»

«Вот такие были тогда руководители, — сделал отступление Василий Васильевич и продолжал: — Главным конструктором и за-

местителем Наркома танковой промышленности был доктор технических наук Ж- Я- Котин — жесткий, требовательный, но справедливый руководитель, ставший Героем Социалистического Труда в 1941 году. После войны он продолжал работу в Ленинграде в звании генерал-полковника, имел 12 орденов, из них четыре ордена Ленина.

Н. Л. Духов, трижды Герой Социалистического Труда, автор ряда конструкций тяжелых танков, был добрейшим человеком, ответственным и скромным. Проживал в маленькой комнатке. Когда появились возможности улучшить его жилищные условия, он сказал: «А зачем мне двухкомнатная квартира? Мне полуторки хватит». После войны он работал в оборонной промышленности. Стал членом-корреспондентом Академии Наук, лауреатом пяти Сталинских и одной Ленинской премий. Награжден семью орденами, в том числе четырьмя орденами Ленина. Имел звание генерал-лейтенанта.

И. Я. Трашутин — дважды Герой Социалистического Труда, Главный конструктор дизельных моторов большой мощности, которые устанавливались на всех тяжелых танках и на других боевых машинах. Награжден четырьмя орденами Ленина и орденом Красной Звезды. Лауреат Сталинской и Ленинской премий. Его бюст установлен в сквере детского парка в Тракторозаводском районе.

М. Ф. Балжи — заместитель главного конструктора, а после войны главный конструктор ЧТЗ. В годы войны награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Трудового Красного Знамени и Красной Звезды. Доктор технических наук, профессор. Длительное время работал заведующим кафедрой «Гусеничных машин» Челябинского политехнического института.

П. К. Ворошилов, сын маршала, работал заместителем главного конструктора по испытанию танков. Жил в доме по проспекту Ленина № 15, здесь в годы войны дважды бывал его отец К. Е. Ворошилов. После войны П. К. Ворошилов долго работал в Челябинске, а затем уехал в Ленинград и возглавлял там танковый институт в звании генерал-лейтенанта...»

Кроме них на заводе трудилась целая плеяда талантливых инженеров, возглавлявших трудовой коллектив общей численностью более 100 тысяч человек, одной из образцовых ячеек которого была бригада В. В. Гусева в количестве шести человек.

«Работали мы по 12 часов, — продолжал свой рассказ В. В. Гусев. — В 1943 году на бригаду выделили комнату в жилом доме. Мы установили в ней шесть коек и жили все вместе. Времени на отдых и сон после трудового дня не хватало. «Отоспимся после победы», — подбадривали друг друга мы. Монотонная тяжелая работа изматывала. «Отдохнуть будем после войны», — условились мы.

Один из узлов танка — коробка передач — состоит из множества деталей, 25 из них вытачивала наша бригада. Если нет одной детали — значит нет коробки, а следовательно, и танка. Мы чувствовали за собой ответственность и старались перевыполнять дневное задание. Девять раз наша бригада выходила победителем в областном соревновании фронтовых бригад, а их только на одном ЧТЗ насчитывалось 1100. Два раза завоевывали переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ и наркомата танковой промышленности в соцсоревновании среди 18 тысяч фронтовых бригад отрасли. К переходящему знамени прикладывались премиальные деньги и немалые, но мы их сразу же перечисляли в Фонд обороны на строительство новых танков, самолетов и кораблей.

Все ребята моей бригады к работе относились творчески, выискивали резервы. Как-то, выступая на комсомольском собрании, я, обращаясь к представителю обкома партии, сказал: «Мы у вас хлеба просим, обеспечьте нас инструментом, а за нами дело не станет». На другой день вызвали меня к секретарю обкома Н. С. Патолчеву. Я прямо с завода, в спецовке, захожу к нему в кабинет.

Он встал из-за стола, не спеша вышел мне навстречу и тихо потечески спросил:

— Ну, чем я могу тебе помочь?

— Нам нужны резцы для алмазной расточки, — ответил я.

— Хорошо, в ближайшие дни резцы вам доставим, — сказал Николай Семенович и угостил меня бутербродами с колбасой, вкус которой за годы войны я совсем забыл... Вскоре резцы принесли нам прямо на рабочее место. Используя их, я на другой день дневную норму выполнил на 1000 процентов.

В таком напряженном ритме проходили дни и годы в Танкограде. Однажды, работая в ночную смену, утром я услышал по радио о том, что в Берлине подписан акт о капитуляции Германии. Трудно пересказать словами, что в этот миг творилось на заводе. Работа во всех цехах остановилась. И ликующий трудовой люд с

развернутыми знаменами и транспарантами двинулся на городской митинг. Площади Революции тогда еще не было и мы шагали на площадь к Главпочтамту. Впереди колонны — директор И. М. Зальцман, рядом с ним — парторг ЦК ВКП(б) Е. В. Мамонтов. Чувство неумной гордости и радости переполняло всех. Еще бы, к чему стремились, ради чего перенесли столько горя и мучений — свершилось. Победа!..» «Волнующих речей было столько, что от слез радости асфальт стал мокрым», — образно заметил В. В. Гусев, завершая свой рассказ.

После войны Василий Васильевич Гусев с орденами

Ленина и Трудового Красного Знамени на груди, будучи уже известным танкостроителем не только в Челябинске, но и во всей стране, — его портрет, выполненный художником Огурцовым, экспонировался в историческом музее в Москве, а по радио часто звучала песня «Василий Васильевич», посвященная ему композитором Н. Богословским и поэтом Б. Ласкиным, — получил, наконец, возможность учиться. Вначале — в вечерней школе рабочей молодежи, потом — в машиностроительном техникуме, по окончании которого он работал в конструкторском бюро ЧТЗ. В 1957 году его избрали, секретарем Тракторозаводского РК КПСС, в 1963 году — председателем райисполкома, а перед выходом на пенсию он занимал должность заместителя директора ЧТЗ.

У его товарищей по бригаде судьбы складывались по-разному. Владимир Калиневич и Михаил Тимофеев вернулись в Ленинград на свой родной Кировский завод.

Николай Костылев окончил институт и работал заместителем директора Челябинского холодильника.

Юрий Иксти тоже окончил институт и работал начальником конструкторского бюро в Кургане.

И лишь Алексей Лебедев остался на ЧТЗ, проработав 46 лет у станка, ушел на пенсию.

В канун празднования 50-летия Победы в Великой Отечественной войне они все вновь оказались вместе на одной черно-белой фотокарточке, помещенной на стенде Мемориала Победы на Поклонной горе в Москве. Молодые, красивые, крепкие — такими они и останутся в памяти потомков — бойцы стотысячной гвардии Танкограда.

ВОРОШИЛОВ ПОМОГ

Весть о начале войны с Германией застала Анатолия Яковлевича Юровского на отдыхе в Курганской области, где он проводил отпуск. На другой день после объявления войны, утром, он уже был в Челябинске и стоял у токарного станка в цехе ЧТЗ. «На нас, токарей, тогда сразу же наложили бронь, освободив от призыва в армию, — рассказывал А. Я. Юровских, — и мы начали работать под девизом «Все для фронта — все для победы». Работали в две смены по 12 часов в сутки. Часто ночевали в цехе, для этого в бывшей комнате мастеров соорудили двухъярусные нары. Обрабатывать на станке мне приходилось разные детали, но почему-то больше всех запомнились катки для танков, вероятно, потому что они поступали из литейного цеха и весили более 20 килограммов. Вот такую заготовку нужно было поднять, установить в патрон станка и обработать до необходимой кондиции. Работали все с энтузиазмом, с желанием внести свою лепту в разгром врага. Правда, среди эвакуированных на ЧТЗ рабочих из западных районов страны находились и такие, которые говорили: «Да что вы надрыгаетесь, месяца через два немцы все равно будут здесь». Но мы, челябинцы, были другого мнения, верили в Красную Армию, эта вера подкреплялась словами, сказанными товарищем Сталиным, «Наше дело правое — победа будет за нами». Каждый день, затаив дыхание, слушали радио, радовались каждому успеху на фронте. Обедали в заводской столовой по продуктовым карточкам, которые давали рабочим право получать горячее питание один раз в смену и дневную норму хлеба. За все это высчитывалось из нашей зарплаты. Карточки в то время были единственным источником получения хлеба и продуктов. Однажды я свою карточку потерял. Сажу в обеденный перерыв у станка, жую лепешку, которую дали мне женщины из соседнего цеха, они приноровились стряпать лепешки на техническом масле из смеси отрубей с картофельными очистками. Вдруг открываются цеховые ворота и в цех входит целая свита генералов, включая директора завода И. М. Зальцмана, сопровождающая маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова. Двое высоких чиновников, вероятно, отвечающих за охрану маршала, бросились ко мне:

— Почему все обедают, а ты здесь?

— Карточки потерял, — ответил я.

Чиновники о чем-то между собой переговори́ли и отошли. А потом был митинг, на котором выступил К. Е. Ворошилов. Мы смотрели на него как замороженные, старались не пропустить ни одного его движения, ни одного сказанного им слова. Все знали Климентия Ефремовича по картинкам из школьных учебников как героя Гражданской войны, соратника И. В. Сталина, пели о нем песни, но видели перед собой впервые. Он был в папахе, в коротком полушубке с отворотами и с боковыми карманами. Запомнились его слова: «Фронту очень нужны танки. Армия надеется на вас — танкостроителей».

После митинга я, забыв про пустой желудок, работал с удвоенной энергией. На другой день меня вызвали к заместителю директора завода и сказали: «Распишись, получи продуктовые карточки повторно, да больше их не теряй». Так посещение ЧТЗ К. Е. Ворошиловым избавило меня от невольного голодания».

В 1944 году А. Я. Юровских поступил в Военно-морское училище имени Сталина в г. Молотове. Окончил его. Служил в различных регионах страны. В 1957 году возвратился в Челябинск. Находился на комсомольской и партийной работе. Был директором ГПТУ. До выхода на пенсию 25 лет работал заместителем директора Челябинского механического завода. А ныне он возглавляет комитет ветеранов войны и военной службы совета ветеранов Советского района города Челябинска. 1 июля 2003 года друзья и товарищи поздравили его с 80-летием, отметив, что А. Я. Юровских один из тех ветеранов, которым посвящены слова из песни «Нам года — не беда, мы к жизни стремимся большой», а верность этих слов он подтверждает своим активным участием в работе ветеранской организации.

СТАЛИНГРАДКИ

Валентина Ефимовна Водолазкова — донская казачка, она родилась 16 июля 1922 года в станице Нижне-Чирской. В 1941 году со своей семьей жила в Сталинграде. Муж ее, Иван Михайлович, работал на тракторном заводе, рабочие которого при приближении немецких войск были переведены на казарменное положение. А их семьи в городе занимались светомаскировкой, ликвидацией последствий вражеских бомбардировок, тушили пожары, рыли котло-ванны для воды, носили песок на чердак и даже маленькие дети с маленькими ведерками тоже участвовали в подноске воды и песка. С каждым днем в небе над Сталинградом появлялось все больше и больше вражеских самолетов и все чаще в городе

возникали большие пожары. В. Е. Водолазкова ожидала второго ребенка, и 10 сентября ее поместили в родильное отделение. «Ночью, — рассказы-вала она, — началась бомбежка. В роддоме поднялся переполох, все хватали детей и бежали в убежище. У меня же начались схватки и сильные боли. Я решила, что никуда не пойду, будь что будет. На улице совсем близко рвались бомбы. Послышался шум обрушившейся стены здания. На противоположной улице загорелись деревянные бараки, и в роддоме стало светло, как днем. В это время у меня начались роды. Врач подошла, постояла немного и ушла, у ней за перегородкой женщина третий день не могла родить. Я осталась одна. Боли — невыносимые. Чувствую, что ребенок выходит. Подбежала медсестра и подхватила его на руки, а я потеряла сознание. Так родилась у меня дочь Зоя».

В конце сентября Сталинград принял эвакуированных рабочих из Харькова. Одна семья харьковчан поселилась у Водолазковых. «Взрослые целый день находились на заводе, а я дома «воевала» с детьми, — продолжала рассказ Валентина Ефимовна. — Однажды бомба упала прямо возле нашего дома и не разорвалась. После этого у меня вдруг пропало молоко. Самую сильную бомбардировку мы пережили в августе 1942 года. Тогда самолеты шли на Сталинград один за другим. Весь город горел. На мостовой лежала убитая женщина, а рядом с ней — живой ребенок. Какой-то мужчина подошел, взял ребенка и ушел в убежище. Вскоре началась эвакуация тракторного завода. Мостов через Волгу тогда не было. Первая группа тракторостроителей переправлялась на другой берег на пароме, и ее разбомбили. С реки доносились крики и стоны о помощи. Спаслись лишь те, кто умел хорошо плавать. 30 августа прибежал с работы муж и сообщил, что утром мы должны со второй группой тракторного завода покинуть город. Собираясь в дорогу, я тогда успела взять с собой только одно одеяло. Даже ложки и чашки у нас не оказалось. Муж в чем был одет на заводе, в том и пришел на переправу.

На противоположном берегу Волги нас встретили товарищи мужа. Они уже соорудили шалаш из веток. За Волгой над городом висело сплошное красное-голубое зарево, и поднимались облака дыма. А на этой стороне реки было относительно спокойно. Мы нашли ржавый металлический лист и на костре пекли на нем лепешки. Здесь моя Зоя впервые училась ходить, делала первые шаги, увидев в траве букашку, пыталась поймать ее. Затем нас перевели в здание сельской школы, стены и перекрытия его тряслись и дрожали от разрывающихся бомб в Сталинграде, на противоположном берегу Волги. Наконец ночью была объявлена посадка в эшелон. В товарный вагон нас набилось 20 семей. Начальник эшелона прошел вдоль вагонов и предупредил: «Если появятся самолеты, не подавать виду, что в вагонах есть люди». Поезд тронулся, и мы поехали неизвестно куда, хотя эвакуационные листы у нас были заполнены до Барнаула. В Челябинске несколько вагонов, включая наш, отцепили и сказали, что приехали. Те, кто поехал дальше, с надеждой говорили: «Пока доедем до Барнаула — Красная Армия разобьет фашистов, и мы вернемся в Сталинград».

В Челябинске сталинградцев разместили в четырехэтажном здании, ныне примыкающем к кинотеатру «Кировец». И. М. Водолазкова уже на другой день определили на работу в цех горячих штампов ЧТЗ. После разгрома армии

Паульса в 1943 году ста-линградцы получили команду возвращаться домой, восстанав-ливать свой тракторный завод. Но мужа Валентины Ефимовны дирекция ЧТЗ не отпустила, послав на Сталинградский тракторный вместо него другого специалиста. И. М. Водолазков же до самой пенсии продолжал работать на ЧТЗ. Валентина Ефимовна тоже без дела не сидела, отработав в швейной мастерской 25 лет, ушла на заслуженный отдых. А ее дочь, Зоя Ивановна Согрина, окончила институт, 38 лет работала в органах юстиции Челябинска. Стала заслуженным юристом Российской Федерации. Награждена ме-далью «Ветеран труда». На момент окончания своей трудовой деятельности она имела в трудовой книжке множество благодар-ностей, неоднократно была награждена почетными грамотами. Валентина Ефимовна по праву гордится ею. И, рассказывая о своей дочери, всегда подчеркивает: «Я ведь ее из самого пекла привезла».

КОМАНДАРМ КОМАРОВСКИЙ

Строительная площадка Челябинского металлургического завода в 1941 году вначале именовалась «Бакалстроем», а затем «Челяб-металлургстроем НКВД». Все работы по сооружению завода, в основном, выполняли трудармейцы, мобилизованные для работы в тылу. А общее руководство осуществляли начальник строительства бывший командующий 5-й саперной армией генерал-майор А. Н. Комаровский, главный инженер полковник инженерной службы В. А. Сапрыкин и начальник политотдела бригадный комиссар, а затем полковник А. Г. Воронков. Им удалось создать коллектив высококвалифицированных, деятельных специалистов, которые обеспечивали разработку добротных инженерных решений на всех уровнях.

О своей работе в аппарате управления «Челябметаллургстроя» в годы войны вспоминал Эдгар Адамович Лизе: «К 7 ноября 1942 года решили мы оформить первую панораму строительства Челябинского металлургического завода и подарить ее начальнику строительства генералу Комаровскому.

Нашли плотную бумагу, раздобыли цветные карандаши, кто-то из дома принес кисточки и краску. Работали только вечером, после трудового дня. Работали аккуратно, старались. И перед праздником, в отсутствии генерала, панораму повесили у него в кабинете над панелью, облицованной дубовой плиткой.

Наша работа всем понравилась. Спецчасть срочно распорядилась закрыть панораму от постоянных взоров раздвигающимися занавесками.

К вечеру прибыл генерал (он ездил верхом на лошади). Эффект оказался неопиcуемым. Всем инженерам, оформлявшим панораму, генерал объявил благодарность, поощрил месячным окладом, на три месяца перевел на вторую группу питания в столовой. В то время рабочие и техники питались по карточкам 4-й группы, получая хлеба по 800 граммов на день. Инженеры питались немного лучше, по 3-й группе, а начальники отделов — по 2-й группе. Руководству было проще, они жили в доме на углу проспекта Ленина и улицы Пушкина. У входа в их дом дежурил вахтер, вход разрешался только по пропускам. В подвале этого дома находился специальный магазин, вот в нем они и отоваривались. И еще, генерал за эту панораму выдал каждому из нас премиальную посылку, в которую входили такие вещи, как махорка, спички, резиновые калоши и другие, по тем временам не мелочи.

На «Челябметаллургстрой НКВД» возлагалось строительство оборонных объектов не только в Челябинске. В годы войны ему поручили ряд объектов на строительстве металлургического завода в Рустави на Кавказе.

Мы тогда эту стройку называли «Мандаринстроем», потому что имеющийся в нашем распоряжении самолет «Дуглас» (базировался он на Шаголе), часто, возвращаясь из Рустави, доставлял нам некоторую порцию южных фруктов. Вот когда я недавно после инфаркта попал в больницу, то встретил там летчика с нашего самолета. Мы долго вспоминали с ним о былых днях, о том, как угощал он нас мандаринами, и о совместной работе с А. Н. Комаровским и В. А. Сапрыкиным».

С 1963 года Герой Социалистического Труда, доктор технических наук генерал А. Н. Комаровский занимал должность заместителя министра обороны СССР. В 1972 году написал книгу «Записки строителя». Его именем названа улица в Металлургическом районе города Челябинска.

В. А. Сапрыкина после войны направили для работы в качестве главного инженера на строительство объектов, связанных с созданием атомного оружия. Вскоре он стал Героем Социалистического Труда, академиком Академии архитектуры и строительства, и уже в немолодом возрасте, с учетом заслуг перед Родиной, по специальному решению ЦК был принят в партию без кандидатского стажа.

Прошли годы. Уже мало кто вспоминает о первопроходцах Челябинского металлургического. Но до сих пор работают на строй-

ках области специалисты, прошедшие школу Комаровского—Сапрыкина; среди них патриарх челябинских строителей профессор Технического, университета Абрам Самойлович Черный, — став педагогом высшей школы, он передает молодежи свой опыт — опыт строителей, построивших завод в степи и через 19 месяцев выдавших первый металл для нужд фронта.

ТРУДАРМЕЙЦЫ

1. У истоков гиганта

Все мы были молодыми и мечтали стать летчиками, но на нашу долю выпала тяжелая работа по укреплению обороны в тылу... Прибыли мы на строительство Челябинского металлургического завода 8 марта 1942 года. От Потанино до Першино шли пешком по глубокому рыхлому снегу. На месте сегодняшней трамвайной остановки «Сталеваров» увидели кол, вбитый в землю, на нем дощечка с надписью: «Предзаводстрой», а далее шли заводские строения. Встречали нас; два больших барака, печи, сделанные из металлических бочек. Сырые дрова долго не хотели гореть. Спали на нарах, спали крепко. Утром проснулись, а встать не можем. Доски-то нар были в смоле и мы прилипли к ним за ночь.

2. Истребители

Непрерывный бетон в настоящее время — понятие весьма относительное: то бетонный завод станет, то самосвал сломается. В наше же время непрерывный бетон был действительно непрерывным. Доставляли его на объект маленькие полутонные автомобили с газогенератором на крыле. На стройке им дали название «истребители». Заправлялись они чурками, были юркие, маневренные, через любую грязь проходили. Не успеешь, бывало, предыдущую машину выработать, как следующий «истребитель» тут как тут.

3. Золотые руки

Оборудование, инструмент, гвозди, разные метизы изготавливались на стройке собственными силами, так как шла война — просить не у кого было. На площадке, где сейчас Челябинский машиностроительный завод автоприцепов, располагались гвоздильный

завод и лаборатории, в которых производили разные изделия и материалы, в том числе гидролизный спирт и даже электролампочки.

4. Пожар

На строительстве электросталеплавильного цеха (ЭСЦ-1) находились люди самых различных профессий, а вот металлургов не было, и мы сами плохо представляли, что мы строим. Но строили быстро. В апреле 1943 года готовили ЭСЦ-1 к сдаче. Сначала все шло в обычном русле и вдруг... Яркая вспышка, языки пламени, дым. Кто-то крикнул: «Наш цех горит!» Сейчас невозможно представить, какое у всех тогда было состояние: вложено столько труда и перед самым пуском — пожар. Начался переполох. И тут появился товарищ, ранее бывавший в Магнитогорске, он посмотрел на нас с усмешкой и кричит: «Да какой же это пожар, это плавку выдали, это же наш с вами, товарищи, первый удар по врагу».

5. Первая бухгалтерия

Однажды вызывает меня начальник стройотряда Гладков и спрашивает:

— До войны бухгалтером работали?

— Работал.

— А в бухгалтерии стройотряда работать сможешь?

— Смогу.

— Тогда иди, приведи себя в порядок и принимай бухгалтерские дела.

Я растопил снег, умылся и пошел в контору, а контора-то находилась в палатке... Чернила замерзли. Но учет мы организовали и вели его исправно.

6. В Центральный клуб - на паровозе

Первым общественным транспортом в Металлургическом районе был паровоз. Он ходил по железнодорожной линии от Заводуправления до сегодняшней остановки «Центральный клуб». Тащил за собой 3—4 открытые платформы, с расставленными на них скамейками, и огражденные досками. Вот так и ездили первые строители и металлурги на работу и с работы. А впоследствии по этой железнодорожной линии пошел трамвай, ведь ширина колеи у паровоза и трамвая одна и та же...

Так вспоминал о былых делах главный бухгалтер некогда крупнейшего на Урале ордена Ленина объединения «Челябметаллургстрой» Яков Андреевич Рудт, который прожил большую жизнь, но многие из своих задумок не успел осуществить. Он заболел совсем недавно, в то время, когда в прессе стала утверждаться безосновательная критика бесплатной советской медицины. Тогда-то и решил Яков Андреевич оперироваться в Германии, где жила его дочь. Но рак — коварная болезнь. Там, в Германии, и похоронили его — одного из первых строителей Челябинского металлургического завода.

ТРУДАРМЕЕЦ

Иван Рудольфович Фаст прожил 81 год. Он был последним начальником финансового отдела некогда мощного ордена Ленина строительного объединения «Челябметаллургстрой». В 1942 году молодым пареньком призвали его в трудовую армию. И с тех пор вся жизнь И. Р. Фаста была связана со строительством металлургического завода в Челябинске. Когда мы попросили рассказать его о самом памятном эпизоде своей биографии, то собирались услышать историю о преодолении холодов, о хроническом недоедании, о тяжелом ручном труде первостроителей, а он вдруг рассказал о театре: «Бригады трудармейцев на строительстве ЧМЗ в годы войны объединялись в колонны, а колонны — в стройотряды. Руководство стройотрядами осуществлял ГУЛАГ, располагавшийся в районе нынешней улицы Комаровского в Металлургическом районе. В те годы слово ГУЛАГ не вызывало каких-либо чувственных эмоций. Для нас ГУЛАГ был обыкновенным управлением по строительству. Рядом с конторой ГУЛАГа располагался клуб ВСО (Военно-строительного отряда). Бывая в увольнении, мы иногда посещали клубную библиотеку, читальный зал, слушали лекции. Не знаю почему, но я с детства любил театр, поэтому всегда стремился попасть на театральное представление. Однажды в нашем подразделении объявили запись желающих коллективно посетить спектакль московских артистов, выступающих в помещении городского театра. Я записался первым. И в день спектакля с нетерпением ждал окончания рабочей смены. Но чем-то не понравился начальнику колонны, обратился к нему с просьбой под-

писать увольнительную, а он не подписал. Эх, как тогда было обидно. А начальником нашего стройотряда совсем недавно назначили молодого лейтенанта-летчика, из-за ранения списанного в наземные войска к нам в трудармию. И я решил испытать счастье: обратиться прямо к нему. Автобус в театр уже стоял у проходной. Лейтенант наши порядки знал еще плохо и подписал увольнительную почти не глядя. Бесконечно обрадованный, при выходе из его кабинета я столкнулся в дверях с начальником колонны, вначале растерялся, а потом прошмыгнул мимо него и — бегом в автобус.

Спектакль в тот вечер прошел на одном дыхании, он был посвящен девушке-партизанке, попавшей в плен к немцам, роль ее исполняла Людмила Касаткина. Своей изумительной игрой она увлекла нас в мир высоких чувств, переживаний и благородных поступков. Надолго получив заряд бодрости, мы вернулись из театра в свой лагерь, где ожидало нас серое однообразие жизни трудармейцев: с утренним разводом, двенадцатичасовым рабочим днем, вечерним осмотром и с неугасающим в душе огоньком надежды, что труд наш ненасправен, одержим победу и вновь заживем по-человечески.

ВОСПОМИНАНИЕ О РОДНОМ ЗАВОДЕ

Воскресенье 22 июня 1941 года выдалось в Ярославле солнечным и жарким. Многие горожане, спасаясь от жары, выехали на Волгу. А ближе к полудню в городе уже царила тревога, так как по радио прошло сообщение о нападении Германии на СССР и о том, что уже идет большая война. «В жизни каждого ярославца начался новый этап, рушились все их первоначальные планы, — рассказывала ветеран Челябинского автомеханического завода Лидия Николаевна Троицкая. — Осенью и мне пришлось вместо школы в 15-летнем возрасте идти работать на военный завод № 62, на котором производились снаряды малых калибров для авиации.

Я представляла этот завод громадным, возвышенным и даже красивым. Но из отдела кадров меня провели в цех с плохим освещением, на рабочих местах было сыро и стоял сплошной грохот, безо всяких инструктажей и обучений поставили к сверлильному станку, показали, как его включить, и я начала сверлить отверстия в

заготовках для снарядов. Домой возвращалась вся в масле, ладони покрылись мозолями. Лишь потом подруги, те что постарше, подсказали мне, где взять рукавицы и что нужно делать, чтобы масло не разбрызгивалось при работе станка.

Осенью, когда немцы уже бомбили железнодорожный вокзал и мост через Волгу, вышел приказ об эвакуации завода и была объявлена запись желающих поехать вместе со своими цехами в глубь страны. Несмотря на то, что распространялись слухи, будто бы на Урале булка хлеба стоит 100 рублей, а в городах чуть ли не ходят белые медведи, я решила ехать со своим заводом. За что дома мама отшлепала меня резиновой калошей.

Ехали мы целый месяц в теплушках, станки же везли на открытых платформах. 17 декабря прибыли на станцию Шершни. Перед нами предстало голое поле, покрытое снегом, и было непривычно холодно. На месте нынешнего поселка АМЗ стояли четыре двухэтажных дома, несколько бараков и столовая, выложенная из красного кирпича. С одной стороны поселка до самого Челябинска тянулся сосновый бор, с другой стороны располагалась городская свалка. Там, где сейчас территория АМЗ, стояли четыре склада, в которых совсем недавно хранились мобилизационные запасы. Вскоре эти склады стали первыми цехами нашего завода. Отапливались они печками-буржуйками.

Нас, рабочих, разместили в семьях жителей окрестных деревень: Сухомесово, Исаково, Смолино, Сосновка, а позднее — в сосновом бору в бывших дачах облисполкома. Здесь мы жили и отсюда ходили на завод, работали по 12 часов в две смены. Питались один раз в сутки. Бывало, в ночную смену в обеденный перерыв мы наперегонки бежали в столовую. Там по карточкам получали тюрю и 800 граммов хлеба. Со временем мы приспособились съесть лишь половину пайки хлеба, другую половину приносили в общежитие. Раскрошив хлеб, заливали его водой, подогревали и получалось у нас еще одно горячее блюдо. Это было необычное, трудное, мобилизующее на подвиг время. Никто из нас не сомневался в победе, каждый сознавал, что своим трудом приближает победу над врагом. Никто не хныкал, не жаловался и не унывал. Правда, у нас были прекрасные воспитатели, такие, как парторг цеха С. А. Лифантьев. Часто он собирал нас минут на 15, рассказывал о том, что делается на фронте, вдохновлял, по-отечески поддерживал, и на душе у всех становилось легче.

В 1942 году поступило работать на завод много местных жителей и 100 детей в возрасте 14—15 лет из детских домов Магнитогорска, Миасса и Подмосковья. Девочки из детского дома имени Ильича пришли на завод в пионерских галстуках с зажимами. Многие из них навсегда связали свою жизнь с заводом, работали на нем до выхода на пенсию. Среди них Т. И. Малетина, П. И. Стрижевчук, Н. П. Пересыпкина были награждены орденами Трудового Красного Знамени, а С. К. Потапова — орденом Трудовой Славы 3-й степени.

В конце 1942 года на заводе начали организовываться бригады. Бригадный метод работы укреплял чувство коллективизма, взаимопомощи и ответственности. Мне доверили бригаду из шести девочек. Вскоре мы добились выполнения производственного задания до 180—190 % и были награждены почетной грамотой РК ВКП(б).

В годы войны на АМЗ выходила газета «За боевые темпы». 17 декабря 1943 года она сообщала: «На совещании выступила знатный стахановец военного времени бригадир комсомольско-молодежной фронтовой бригады Л. Волконская (Троицкая), она доложила, что ее бригада из шести человек берется выполнить сменное задание впятером, высвободив одного человека». Такой почин в годы войны имел большое значение, так как ежемесячно заводские ребята, достигшие призывного возраста, уходили на фронт, а их нужно было кем-то заменить.

15 июля 1943 года в самый разгар Курской битвы Совет народных комиссаров СССР принял постановление, обязывающее все наркоматы обеспечить возможность подросткам, занятым на производстве, получить среднее образование путем обучения в школах рабочей молодежи.

«Такая школа была организована и на нашем заводе, — продолжила Лидия Николаевна. — Она размещалась в небольшой избушке. Вопрос с учителями тоже решился быстро. Прекрасного учителя математики нашли в термическом цехе, он работал там разнорабочим. Будущий директор школы работал нормировщиком в электроцехе. Одна из преподавателей работала кассиром в столовой и т. д. Окончила 10 классов этой школы и я».

Будучи комсоргом цеха и членом завкома комсомола, Л. Н. Волконская участвовала в организации субботников на строительстве стадиона, клуба и других объектов. В результате реформ 90-х годов завод утратил свою соцсферу — детсады, пионерлагерь,

базу отдыха и другие, а вот клуб удалось отстоять, хотя претендентов на него было много. Когда-то в этом клубе на одном из вечеров Л. Н. Волконская познакомилась с бывшим истребителем танков, участником Курской битвы, широкоплечим красавцем в солдатской гимнастерке С. В. Троицким, тоже работником АМЗ. Они поженились. Вырастили дочь и сына. Л. Н. Троицкая окончила Ленинградский физико-механический техникум, работала на заводе, перед выходом на пенсию возглавляла заводскую лабораторию НОТ. А затем в течение 20 лет являлась хранителем фондов заводского музея, среди богатых экспонатов которого есть редчайшая книга «Карабин 1197», изданная в Челябинске в 1978 году.

Автор ее С. В. Троицкий подробно рассказал в этой книге, как он с заводом из Ярославля эвакуировался в Челябинск, потом ушел на фронт, был ранен, после войны вновь вернулся на завод, ставший для многих ярославцев второй родиной на южноуральской земле.

ИСПЫТАНИЕ НА БЛАГОРОДСТВО

Эдуард Федорович Беккер родился в 1921 году в Астрахане. В 1940 году успешно окончил десятилетку и как активный комсомолец был принят на работу в Астраханский музей обороны города научным сотрудником. Вскоре он сделал свое первое серьезное открытие, на местном кладбище разыскал и сфотографировал могилы дедушки В. И. Ленина, бывшего беглого крепостного крестьянина Николая Васильевича и дяди Василия Николаевича Ульяновых. После этого, твердо решив стать историком, готовился поступать в институт. Но началась война с фашистской Германией. Постановление советского правительства о переселении всех граждан немецкой национальности за Урал застала его врасплох. Почти со слезами на глазах пришел он в горком комсомола, пояснил: «Мама-то у меня русская, она много лет с отцом состоит в разводе, а у меня в музее масса начатых дел». В ответ горкомовцы только пожимали плечами. А секретарь горкома вышел из-за стола, положил руку на плечо Беккеру и с сочувствием сказал: «Не печалься, Эдик, через пару месяцев Красная Армия разобьет фашистов и ты вернешься домой. Мы очень тебя будем здесь ждать».

Место поселения Э. Ф. Беккеру было определено в Казахстане, вблизи китайской границы. Здесь, в рудоуправлении, он работал

разнорабочим. И здесь в январе 1942 года ему вручили повестку о призыве в РККА. «Мы ехали как новобранцы служить в армии, — рассказывал Э. Ф. Беккер, — а приехали в Бакалстрой НКВД СССР в 5-й отдельный строительный отряд на строительство Челябинского металлургического завода, где встретили нас колючей проволокой и вооруженной охраной, поместили в брезентовые палатки. Нам говорили, что вам еще повезло, других «новобранцев» выгрузили в степи, среди снегов, привезли доски и сказали: «Стройте себе для жилья временки». В нашей же палатке уже стояли двухъярусные нары и топились печи-буржуйки. На нарах нам предстояло спать голова к голове, прямо на досках, не раздеваясь. Бушлаты трудармейцам выдали почему-то сшитые из ткани разных расцветок. Обувь сами себе мастерили из резины, выкроенной из автомобильных покрышек, и называли эту обувь «автоходами». Как-то мне поручили съездить за досками. В пути я обратил внимание на стоящие среди заснеженных полей колышки с табличками «Соцгород», «ТЭЦ», «РМЗ».

— А где эти соцгород и ТЭЦ? — спросил я у шофера.

— Они пока еще только в проекте, их нужно будет построить, — последовал ответ.

Работали мы по 10—12 часов в сутки. При тридцатиградусном морозе копали в мерзлом грунте ямы под столбы глубиной 1 метр. По норме полагалось выкопать по три ямы. Мы же, выбиваясь из сил, выполняли только половину нормы, поэтому кормили нас вместо трех два раза в сутки, по пониженному рациону, и мы дошли до такой степени, что кайло и лопата у нас вываливались из рук. По решению медицинской комиссии нас временно, для поправки здоровья, перевели на легкий труд в каменный карьер, где рабочий день длился 5—6 часов, норма выработки не устанавливалась. Кормили три раза, причем в обед, кроме супа, давали ложку каши. Немного окрепнув, мы вернулись в свои подразделения. Вновь работали. Переболели воспалением легких, но выжили. А кто-то, не выдержав тягот, ушел в мир иной. Вот такой ценой добывалась победа на трудовом фронте. Начав строительство первого электросталеплавильного цеха в феврале 1942 года, челябметаллургстроители 19 апреля 1943 года пустили его в эксплуатацию. С этого момента металл, выплавленный на ЧМЗ, стал разить врага на фронте. Вскоре за добросовестную работу я получил право проживать в бараке-общежитии для стахановцев, меня

послали на слет трудармейцев-стахановцев, выдали постоянный пропуск, по которому разрешалось выходить даже за пределы зоны, а в 1946 году перевели на строительство объекта «Челябинск-40» и назначили начальником цеха авторемонтного предприятия. Мы выехали на новую стройку с одним из первых десантов в составе трех танков Т-34, переоборудованных в вездеходы, с кузовами вместо башен. Новую стройку мы тоже начинали с нуля. Кругом простиралась леса, поля, озера и — ни одной живой души.

Здесь, в лесной глухомани, мне часто снилась мама, живущая одна в Астрахани, родной дом и задорная девушка Галя Гарина, с которой я учился в одном классе и благоговел перед нею. Она очень мне нравилась, но у меня тогда не хватило смелости ей в этом признаться. И я всегда ругал себя за это. Через год на площадке «Челябинск-40» уже кипела работа. И однажды, как в чудесной сказке, как в прекрасном сне, среди вновь прибывших работников я увидел Галю. Она тоже обрадовалась нашей встрече. Когда меня переселяли в Казахстан, Галя хотела поехать следом за мной. Но ее родители прикрикнули: «Сиди дома! Ишь ты, декабристка какая». Но Галя долго дома сидеть не пожелала, а добровольцем ушла на фронт, бойцом зенитно-артиллерийской батареи участвовала в боях под Сталинградом, победу встретила в Заполярье. Потом, завершив учебу в педагогическом институте, приехала на нашу стройку. Теперь-то я уже зря время не терял. Вскоре мы с ней расписались в кыштымском загсе. Перебрались в Челябинск, и вот уже 57 лет мы вместе».

В Челябинске Галина Семеновна преподавала русский язык в школах № 29 и 61, а Эдуард Федорович, окончив вечернее отделение Монтажного техникума, стал работать начальником технического снабжения управления «Востокметаллургмонтаж». В 1986 году оформил пенсию, но продолжал работать до 2001 года. В 80-летнем возрасте ушел на отдых.

«Я потому долго живу, — продолжал он свой рассказ, — что люблю трудиться. А трудовая армия для всех нас была испытанием на совесть, выносливость, благородство и патриотизм. Ведь жить под конвоем, а потом под надзором, испытывать недоверие окружающих, постоянно пояснять, что мы, немцы, родившиеся в России, не те немцы, что напали на СССР в 1941 году, и при этом оставаться преданными своей социалистической Родине могли только люди крепкого характера и светлой души. Трудармейцы были не

только мучениками, как их иногда пытаются представить, а прежде всего они были истинными героями тыла. Их подвиг на строительстве Челябинского металлургического завода в годы войны ни с чем нельзя сравнить. Я уверен, что потомки исправят допущенную несправедливость, оценят вклад трудовой армии в строительстве ЧМЗ и Металлургического района и поставят трудармейцам достойный памятник».

Еще во времена работы в Астраханском музее пробудилась у Э. Ф. Беккера страсть к коллекционированию, которую он пронес через всю свою жизнь. Его коллекция почтовых марок удостоена больших бронзовых медалей Девятой филателистической выставки Челябинской области 1987 года «Мир людей» и Шестой зональной филателистической выставки «Бессмертный подвиг». За победу в конкурсе коллекционеров «Мой подарок родному Челябинску» в 2003 году глава города В. М. Тарасов наградил его почетной грамотой. Сейчас, после болезни, Эдуарду Федоровичу стало трудно передвигаться даже по комнате. Но с утра до вечера он занят подготовкой своей коллекции почтовых конвертов и открыток к новой выставке, которую он посвящает 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. По утрам он выходит на прогулку. Увидев его, голуби слетаются с карнизов ему под ноги, ходят вокруг него, зная, что этот добрый дедушка обязательно угостит их чем-нибудь вкусным. Иногда к кормлению голубей подключаются сын и внук Эдуарда Федоровича – продолжатели его славной, необычайно интересной жизни.

СОЗИДАТЕЛИ

Челябинский металлургический завод начал строиться в 1941 году, а 19 апреля 1943 года выдал первый металл для нужд фронта. Вместе с заводом строился Металлургический район, которому в 2004 году исполнилось 58 лет. Подвиг первостроителей завода стал далекой историей. А историю, как известно, творят люди. Абрам Самойлович Чёрный — один из представителей поколения тружеников тыла, родился в 1914 году. С отличием окончил Киевский инженерно-строительный институт. 8 сентября 1941 года прибыл на строительство Челябинского металлургического завода. С 1959 по 1980 год занимал должность главного инженера одного из

крупнейших в стране строительно-монтажного объединения «Челябметаллургстрой», в котором в этот период стало закономерностью каждый один-два года вводить на заводе, в районе или в городе какой-либо крупный объект. И ежегодно внедрять в строительство высокоэффективные технические новшества. С Чёрным А. С. — кавалером ордена Ленина, заслуженным строителем РСФСР, лауреатом премии Совета министров СССР за застройку города Челябинска, профессором ЮУрГУ, удалось побеседовать в 2000 году и записать его воспоминания, фрагменты которого, представленные ниже, помогут лучше понять историческую ситуацию того времени и достойно оценить самоотверженный труд первостроителей Челябинского металлургического завода, внесших значительный вклад в Победу над врагом.

1. Начало

Распоряжение об эвакуации треста «Запорожстрой» на восток было получено в середине августа 1941 года, когда над городом Большой Токмак, где располагались наши строительные объекты, уже висели немецкие самолеты, а воздушная тревога объявлялась по несколько раз в сутки. Девятому строительному управлению, в котором я работал, выделили специальный эшелон, в двух его вагонах мы разместили людей, в остальных — технику, лошадей, материалы, продукты и, соблюдая условия обязательного затемнения, двинулись в путь.

Недели три добирались до Урала. Потом поезд долго шел среди покрытых густым сосновым лесом гор. Глядя на величественные зеленые просторы, проплывающие за окном вагона, каждый из нас мучительно размышлял о том, что все воюют, страна устремлена на запад, а нас везут в глубокий тыл. И что же мы должны сделать такое, чтобы способствовать скорейшему разгрому врага. Вспоминая об этом тревожном времени, нарком строительства С. З. Гинзбург рассказывал о своей встрече с начальником Генерального штаба Красной Армии Г. К. Жуковым при обсуждении вопроса строительства оборонительных укреплений вокруг Москвы. «Г. К. Жуков, ознакомившись с нашими планами создания передвижных особых строительных частей и переброски строительных организаций на восток, сказал:

— Ни одного человека в Наркомстрое мы больше не возьмем. Обойдемся сами. То, что вы наметили сделать по Наркомстрою, —

это самое важное для того, чтобы мы могли воевать и, обращаясь к секретарю Московского горкома партии Г. М. Попову, добавил: — Строителям всемерно надо помогать справиться с важнейшей задачей, которая на них возложена Государственным Комитетом Обороны. Они своей боевой деятельностью куют победу вместе с воинами на фронте».

То, что маршал Г. К. Жуков сравнивал строителей с бойцами на фронте, многие из нас узнали лишь только после победы.

Вначале конечным пунктом нашего пути намечался Чебаркуль. Но выехавшие ранее другие управления «Запорожстроя» заняли там все палатки для жилья и объекты, подлежащие строительству, поэтому наш эшелон переадресовали в Челябинск.

Челябинск предстал перед нами почти сплошь деревянным — из бревенчатых домов. На привокзальном базарчике увидели помидоры по 14 рублей за килограмм. Это удивило меня больше всего. Ведь в Большом Токмаке помидоры стоили копейки и продавали их ведрами.

8 сентября 1941 года утром наш поезд медленно подошел к конечной станции Мельничный Тупик. Паровоз последний раз выпустил клубы пара и остановился. Мы вышли на покрытую травой поляну. Куда ни посмотрим, кругом поля, чередующиеся с березовыми рощами. На противоположном берегу реки Миасс, на пустыре, разместился барачный поселок, многие бараки в нем стояли недостроенными. Здесь предстояло нам начинать новую жизнь.

Прибыли мы в качестве пополнения строительно-монтажного управления «Бакалметаллургстрой», которое было организовано во главе с М. А. Шильдкротом еще 14 января 1941 года приказом по Наркомстрою СССР специально для строительства Челябинского металлургического завода. Сырьем для этого завода предусматривались руды Бакальского месторождения. То есть цели и задачи нам стали ясны — фронту нужен металл как можно быстрее, хорошего качества и в большом количестве. С таким настроем 10 сентября 1941 года мы, запорожстроевцы, организованно приступили к работе. А через полтора месяца последовала первая реорганизация. Бакалметаллургстрой передали в систему Куйбышевского особстроя НКВД. М. А. Шильдрота перевели на строительство Челябинского трубопрокатного завода, а Бакалметаллургстрой возглавил приехавший из Куйбышева С. Г. Финкельштейн — высо-

кого роста красавец-мужчина. В Особстрое он работал на сооружении авиационного завода, ходил в летных унтах и имел большой опыт работы со спецконтингентом. Нам же этот опыт предстояло еще только осваивать, так как для строительства завода нужно было много рабочих рук, а все свободное трудоспособное мужское население было призвано в Красную Армию и сражалось на фронте. Поэтому на строительстве Челябинского металлургического завода было предусмотрено использовать заключенных, в том числе эвакуированных из западных районов страны, предоставив им возможность нелегкой добросовестной работой в тылу искупить свою вину за совершенные правонарушения. Заключенные, организованные в отряды, прибывали на стройку, их размещали в бараках, группировали по лагерям. В бараках заключенных с первых же дней поддерживался высокий уровень чистоты и порядка. Баня, смена белья происходили по графику без задержек. Воду заключенные пили только кипяченую. В каждом лагере имела своя медсанчасть, которая следила за здоровьем и сансостоянием заключенных. Питание, особенно в начале войны, было скудным, но к его организации относились очень строго. Обед на стройку привозили в бочках на лошадке. Однажды его задержали часа на два, об этом я доложил на оперативке. И стал невольным свидетелем тех взаимоотношений между людьми, которые сложились в Куйбышевском особстрое. Финкельштейн так отчитывал и унижал начальника снабжения, забыв про достоинство своего подчиненного, что я с сожалением подумал: «Ну зачем об этом сказал».

Вслед за Финкельштейном из Куйбышева поступило много оборудования, различных материалов, электрокабель, трубы, арматура, продукты питания и даже табак и папиросы для курения, то есть куйбышевцы настраивались на работу серьезно и надолго. Но по решению вышестоящих инстанций последовала вторая реорганизация. Весной 1942 года в один из воскресных дней заходит ко мне в контору главный инженер строительства В. А. Сапрыкин и спрашивает:

— Почему заключенных не вывели на работу?

— Их Финкельштейн задействовал на погрузке вагонов в Мельничном Тупике, — ответил я.

— Каких вагонов?

Оказалось, что Финкельштейн уже знал, что Челябметаллургстрой выводится из Особстроя. А 5-я саперная армия А. Н. Ко-

маровского перебрасывается из-под Сталинграда на строительство ЧМЗ, поэтому без промедления принял меры, чтобы имущество Особстроя отправить обратно в Куйбышев. В. А. Сапрыкин связался по телефону с Москвой, объяснил сложившуюся обстановку. В Москве к его доводам отнеслись должным образом. В Челябинск срочно прилетел заместитель Комаровского, полковник Кузнецов; он запретил вывозить какое-либо имущество с территории строительства и отстранил Финкельштейна от руководства, разрешив взять ему лишь легковую автомашину марки ЗИС. На ней С. Г. Финкельштейн уехал. Куда? Не знаю. Больше я с ним никогда не встречался.

2. Начальник Челябметаллургстроя

Командующий 5-й саперной армии А. Н. Комаровский, став начальником Челябметаллургстроя, часто объезжал свое хозяйство верхом на коне. При этом его всегда сопровождал стремянный Ванька-цыган. Спешившись, Комаровский передавал поводья стремянному и осматривал объект, вникая в самые, казалось бы, незначительные детали. Давал указания и ехал дальше. В начале 1942 года вместе с Комаровским на стройку прибыло большое количество руководящих работников, до войны занимавших высокие должности. Например, Жилстрой возглавил Егоров — бывший начальник Главзолото. В группе ПОР работал В. К. Шведенко, к его учебнику по металлоконструкциям и сейчас еще обращаются студенты вузов. В строительной лаборатории значились сразу два видных профессора: один Иванов, фамилию другого забыл. Многие специалисты работали вместе с Комаровским еще на строительстве канала Москва — Волга. Теперь им всем требовались служебные помещения. Московскому Промстройпроекту и Проектстальконструкции выделили здание школы в районе нынешнего Дворца спорта. А управленческому аппарату под контору решили отдать двухэтажный 16-квартирный жилой дом № 14, поручив нам сделать в нем соответствующую перепланировку. Но для этого требовалось переселить куда-то жильцов, а сделать это было нелегко. Чиновники же торопили, жаловались Комаровскому. Как-то возвратился мой начальник Егоров с оперативного совещания возбужденным.

— Ну почему ты не убираешь в этом злополучном доме перегородки? — с раздражением спросил он меня.

— Так ведь там люди живут.

— Ну-ка бери двух плотников с топорами и пошли вместе.

Пришли на место.

— Рубите эту перегородку, — приказал Егоров.

Вдруг выбегают две женщины и набрасываются на Егорова.

— Ах ты такой-сякой, наши мужья на фронте воюют, а ты на нас с топорами!

Егоров сразу сник, повернулся и, сторбившись, зашагал обратно в контору. А чиновники продолжали жужжать Комаровскому:

— Вот есть там такой-то прораб Чёрный, он и тормозит все дело.

И Комаровский решил со мной расправиться. Узнав об этом, главный инженер строительства В. А. Сапрыкин перевел меня на работу вначале в группу ПОР, затем – на промплощадку в стройуправление «Ремзаводстрой». Другими словами, спрятал от Комаровского.

Наступила весна 1943 года. Снег быстро таял. Зажурчали ручейки. Кое-где появилась зеленая трава. А вокруг строящегося ремонтно-механического цеха образовалась непролазная грязь. Чтобы преодолеть ее, мы проложили ходовые доски. Вскоре приехал к нам Комаровский в новеньком мундире генерал-майора, пошел по этим доскам, поскользнулся и упал прямо в лужу. Крепко выругался. Вернулся в свою контору и издал приказ: «Всех инженерно-технических работников Ремзаводстроя заменить!» Выполнять это распоряжение прибыл заместитель Сапрыкина. И действительно, всех заменили, а меня почему-то оставили, вероятно, вновь позаботился обо мне главный инженер.

Одним из любимых методов управления Комаровского являлись записки, адресованные непосредственно прорабам, в которых указывалось что и когда нужно было сделать, а внизу стояла подпись генерала. Развозил записки все тот же Ванька-цыган. Чтобы выполнить указанное задание, нужны были какие-то материалы, и прораб шел в отдел снабжения. А там при виде записки Комаровского начинался настоящий переполох, бросали все, давая зеленую улицу прорабу. Получал такие записки и я. В одной из них требовалось оштукатурить помещение снаружи. Но как это сделать зимой? Я пошел в строительную лабораторию к вышеупомянутым профессорам. Они долго думали и нашли оригинальное решение —

оштукатурить глиняно-цементным раствором. Задание Комаровского было выполнено. Разумеется, летом все пришлось исправлять.

В мае 1944 года А. Н. Комаровский, передав дела генералу Я. Д. Рапопорту, выехал в Москву, где возглавил Главпромстрой. Участвовал в осуществлении атомного проекта, лично выбирал площадку под строительство первого промышленного атомного реактора под Кыштымом. И нужно полагать, что не без его ведома в 1945 году Челябметаллургстрой было поручено начать строительство № 859 (впоследствии химкомбинат «Маяк»). Работая в Москве, А. Н. Комаровский не забывал о своих однополчанах, оставшихся в Челябметаллургстрое, каждого из них, кто отличился на строительстве оборонительных укреплений на подступах к волжской твердыне, он в марте 1945 года награждал медалями «За оборону Сталинграда».

Последний раз А. Н. Комаровский приезжал в Челябинск весной 1947 года, приходил к нам на строительство жилых домов в Metallургическом районе. Посмотрел на качество штукатурных работ, которые мы выполняли силами необученных заключенных, покачал головой и сказал:

— Ну если Челябметаллургстрой выведут из состава НКВД, то считайте, что вам повезло. А если не выведут, я вас с начальником управления разжалую в мастера.

Впоследствии А. Н. Комаровский стал доктором технических наук, дослужился до звания генерала армии, был заместителем министра обороны СССР. Удостоен семи орденов Ленина и звания Героя Социалистического Труда. Незадолго до смерти написал книгу «Записки строителя». Умер в 1973 году в Москве в возрасте 67 лет.

3. Главный инженер

В годы войны в строительные организации НКВД рассылалось много различных технических условий и инструкций, касающихся организации работ в условиях военного времени. Одна инструкция давала рекомендации устраивать фундаменты жилых домов, не как положено, на глубине ниже промерзания грунта (для Челябинска 2,2 м), а на глубине всего 60 см, поясняя при этом, что вода, находящаяся в капиллярах грунта, замерзает не при ноле градусов, а при более низкой температуре. Я решил принять эту инструкцию к исполнению, но для этого нужно было получить согласование

проектировщиков. В Гипромеже же меня встретили в штыки: «А кто же за последствия отвечать будет?» — и отказались визировать изменения в проекте. Я доложил о позиции проектировщиков В. А. Сапрыкину. Он, немного подумав, сказал:

— Давай сделаем так. Инструкция предусматривает 60 см, а мы зальем фундамент на глубину 80 см и поставим свою визу на чертеже.

Мне же этого только и нужно было, ведь на стройках НКВД все контролируемые службы подчинялись главному инженеру, то есть В. А. Сапрыкину.

Следуя этой инструкции, мы сэкономили на строительстве домов значительное количество материалов и снизили трудоемкость. Но ближе к осени я вспомнил, что скоро начнется уборка картофеля, а для его хранения хозяева квартир на первых этажах, будут устраивать под полом погреба. Подкапывают фундамент — быть неприятностям. И, не тратя времени, пошел в жилуправление, предупредил о возможных последствиях и оставил там письменные указания по этому поводу. Возвращаясь обратно, прохожу мимо наших новых домов и вижу, как из окон со всех сторон уже выбрасывают грунт, только пыль столбом стоит. Погреба копают.

С тех пор прошло более полувека, а десятка три таких двухэтажных домов в Metallургическом районе благополучно стоят вопреки требованиям строительных норм и правил и продолжают служить людям.

С Сапрыкиным В. А. работалось легко. Это был необычайно интересный человек. Родился он в 1890 году, а в 1915 году окончил Петроградский институт железнодорожного транспорта. Обладал энциклопедическими знаниями и большим опытом. Долго работал вместе с «маршалом индустрии» А. П. Завенягиным на строительстве Днепродзержинского металлургического завода, в 30-е годы — на строительстве Магнитогорского металлургического комбината, затем в Мурманской области — на строительстве эллинга (соружения для постройки дирижаблей), а перед войной был главным инженером на строительстве Норильского металлургического комбината. В 1941 году А. П. Завенягина назначили заместителем наркома внутренних дел СССР, а В. А. Сапрыкин в начале октября прибыл в Челябинметаллургстрой, где начал стройку с первых ко-

лышков. Решал все вопросы смело и быстро, как требовали условия военного времени.

Я помню, как обсуждался вопрос прокладки к ЧМЗ железнодорожной ветки. Вначале она была запроектирована от станции Шагол и для нее предусматривалось строительство железнодорожного моста через реку Миасс. Это требовало больших затрат и металлоконструкций, которых в наличии не было.

— А зачем мы будем связываться со строительством моста? — решил В. А. Сапрыкин и, взяв карандаш, прочертил на стройгенплане линию в сторону станции Баландино. Эта железнодорожная ветка существует и ныне. Для строительства железной дороги и автодорог требовалось много щебня, а его не хватало даже для изготовления бетона, так как камнедробильное производство еще не было достаточно развито. Поэтому В. А. Сапрыкин принял решение, взяв на себя ответственность, использовать для этой цели несортированную дресву (разрушенные временем каменные породы), которая в районе строительной площадки имелась в большом количестве.

И такие определяющие решения он принимал на всех уровнях. Когда были пущены в эксплуатацию первые цехи завода, появилась возможность проложить теплотрассу для отопления жилых домов соцгородка, но для этого нужны были трубы диаметром 200 мм, а в наличии имелись только диаметром 150 мм.

— Прокладывайте трубы те, какие есть, — распорядился В. А. Сапрыкин, — пока этого диаметра вполне достаточно, а закончится война, все изменится и теплотрасса тоже.

После войны В. А. Сапрыкина утвердили главным инженером строительства первого промышленного атомного реактора под Кыштымом. Это была ответственнейшая стройка, которая контролировалась самим И. В. Сталиным. Из ее истории мне рассказывали такой эпизод: «Земляные работы застопорились, так как грунт оказался скальным, его необходимо было взорвать. Но поблизости находились склады боеприпасов Министерства обороны, поэтому потребовалось согласование на уровне министерств, которое шло медленно и долго. Наконец из МВД звонят В. А. Сапрыкину:

— Можно взрывать.

— Спасибо. А мы уже вчера взорвали, — ответил В. А. Сапрыкин.

Моя последняя встреча с В. А. Сапрыкиным произошла в начале 50-х годов, когда мы строили 5-ю коксовую батарею ЧМЗ и внесли предложение – угольную башню выполнить из сборного железобетона. К сборным же конструкциям в то время еще проявлялось недоверие. Меня командировали в город Харьков для согласования предложения с Промстройпроектом и Гипрококсом. Но проектировщики тоже этот вопрос всячески тормозили. И тогда я поехал в Москву, где на заседании Академии архитектуры находился наш управляющий Челябметаллургстроя С. И. Петров, являвшийся членом-корреспондентом этой Академии. В Академии мне предложили подождать в просторном светлом фойе. Через некоторое время дверь открылась, и я увидел, как выходит из зала совещаний вместе с С. И. Петровым высокого роста, крепкого телосложения со звездой героя на груди академик В. А. Сапрыкин.

— Кого я вижу, — воскликнул он, — и заключил меня в свои богатырские объятия.

Конечно же, все необходимые решения, касающиеся угольной башни, были тут же оговорены и предreshены, так как в кулуарной беседе участвовал еще и начальник Главпроекта Гусев.

В Москве В. А. Сапрыкин занимался строительством важных объектов, в том числе высотных зданий. За особые заслуги перед Родиной он был принят в партию без кандидатского стажа по специальному решению ЦК.

В 1954 году Василия Андреевича Сапрыкина не стало.

4. Бойцы трудовой армии

Наиболее многочисленной группой строителей Челябинского металлургического завода в годы войны являлись мобилизованные в трудовую армию советские граждане немецкой национальности. Это были люди с трагической судьбой. Их беды начались в августе 1941 года, когда Советское правительство, чтобы недопустить осуществление планов германского командования в случае захвата территории республики немцев Поволжья использовать ее граждан против СССР, упразднило немецкую республику, а ее население в короткий срок переселило за Урал, обеспечив каждую семью на новом месте жильем, работоспособных граждан — работой, а военнообязанные подлежали мобилизации в трудовую армию. Вскоре многие из них оказались на строительстве Челябинского металлургического завода. Все ясно сознавали, что причиной их де-

портации послужила война и не возражали против тяжелого труда в тылу во имя победы над вторгшемся в пределы СССР врагом, но их угнетало то, что относились к трудармейцам на стройке нередко почти как к заключенным. Преодолевая невероятные тяготы и лишения, они исправно выполняли порученное им дело. Жили в полузаглубленных в землю бараках. На работу ходили строем. Работали в зоне, которая, хотя и условно, но охранялась, и за ее пределы выходить им было запрещено. У трудармейцев сохранялась своя партийная организация, правда, рост ее рядов, то есть прием в партию новых членов, был временно приостановлен. Среди немцев оказалось много специалистов высокой квалификации: инженеры, техники, врачи; все они использовались по назначению и фактически находились на положении вольнонаемных, но обязаны были являться на переключку и ночевать в лагере.

В каждом трудармейском стройотряде имелись свои клубы, библиотека, художественная самодеятельность, из лучших номеров которой была создана при политотделе сводная агитбригада. До войны в Киеве мне приходилось слушать известного артиста Цаперника, венгра по национальности, исполнявшего роль Григория в опере «Тихий Дон». Случилось так, что второй раз я увидел его на сцене лагерной самодеятельности. И здесь его голос звучал также прекрасно, вселяя в души людей надежду и уверенность в том, что кончится война, и жизнь обязательно вновь нормализуется.

Особым уважением в стройотрядах пользовались музыканты духового оркестра. Они часто выступали с концертами на стройке и за ее пределами. Им позволялось персональное питание, а к работам на объектах их старались привлекать как можно реже. На строительстве жилых домов в то время не было грузоподъемных механизмов, поэтому элементы стропил вначале готовили на земле, а потом приглашали музыкантов. Музыканты мигом поднимали стропила вверх и уходили на репетицию, плотники же продолжали возведение крыш.

1 мая 1946 года срок службы трудармейцев закончился. Официально они опять стали свободными гражданами, но возвращаться в родные места им не разрешили и перевели на положение спецпереселенцев. В последующие годы одни из них уехали из Челябинска, для других Челябинск стал второй родиной, где они с

чувством выполненного долга достойно прошагали по жизни, оставив о себе добрую память в виде объектов, построенных ими в районе и городе. А их дети и внуки продолжают работать на различных предприятиях, следуя трудовым традициям первостроителей и приумножая индустриальную славу Челябинска.

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ СТРОЙКЕ

До войны на месте Metallургического района Челябинска красовались зеленые березовые рощи, обширные поля и пашни, а река Миасс и Кацтакский бор являлись излюбленным местом отдыха горожан, куда они приезжали собирать ягоды, купаться, загорать и ловить рыбу. Но началась война и все изменилось. Обширный район превратился в строительную, площадку, на которой сооружался новый металлургический завод-гигант. Первыми строителями его были бойцы и командиры 5-й саперной армии, жители окрестных поселков, заключенные трудовых исправительных лагерей, позднее военнопленные немцы, но основную массу строителей составляли трудармейцы из числа немцев Поволжья. Один из них, заслуженный строитель РСФСР Иван Готлибович Шуберт, вспоминает:

«Фактически мы считались призванными в трудовую армию, в стройотряды, а в действительности находились в положении заключенных. Вся территория стройки была обнесена колючей проволокой, сторожевыми вышками и охраной. Жили в бараках, до самой крыши углубленных в землю, спали на двухъярусных нарах; работали по 12 часов в сутки. Питались очень плохо. При выполнении дневного задания каждому полагалось по 700 граммов хлеба на день, в случае невыполнения плана — 600 граммов, а при перевыполнении — 750 граммов: С марта 1943 года эта норма стала повышаться.

Основным оружием трудармейцев являлись: лопата; тачка и кирка. Каждый день на стройке был похож один на другой. Подъем в 6 часов, утренний осмотр, завтрак, строем шли на работу, строем возвращались обратно, отбой — в 22 часа. В стройотряде имелась художественная самодеятельность, читальня. Ближе к концу войны стала культивироваться утренняя зарядка. То есть режим дня напоминал службу в стройбатах, если не считать продолжитель-

ность рабочего дня и периодических проверок на вшивость. Того, кто эту проверку не преодолевал, сразу же отправляли в баню, а затем на неделю — в штрафную бригаду, которой поручались самые тяжелые работы: дробление скальных пород с помощью клина и кувалды, разработка мерзлого грунта и другие.

В апреле 1943 года мы сдавали в эксплуатацию 1-й сталеплавильный цех. Это знаменательное событие запомнилось мне тем, что накануне его пуска я отморозил себе ногу, работая ночью на разгрузке вагонов с металлоломом для первой плавки. Разгрузку производили вручную. Слитки до 100 килограммов сбрасывали на спецплощадку, с которой магнитным краном металлолом подавался в печь. Обувь свою мы называли «бурки»: подошва — из куска автомобильной покрышки, а верх — из двух слоев шинельного сукна с прошитым между ними слоем ваты. Обогреться негде было, да и перерывы делать не разрешалось; И я попал в лазарет: А там условия оказались еще тягостнее. Как для неработающих; больным норма выдачи хлеба понижалась до 400 граммов на день. Многие не выдерживали. Я же выжил и продолжил строительство промышленных и жилых объектов.

По мере приближения окончания войны, условия нашей «службы» постепенно облегчались. 8 мая 1945 года весь день шли разговоры о близкой победе. А 9 мая утром вместо работы мы пошли на митинг, где узнали о подписании в Берлине акта о капитуляции Германии и об объявлении в стройотряде Дня Победы нерабочим, праздничным днем. Потом началось выступление художественной самодеятельности. В столовой чуть лучше приготовили обед и налили каждому трудармейцу по сто граммов водки.

Через год, 1 мая 1946 года, нас построили последний раз, объявили о том, что стройотряды отменены и что теперь мы свободные люди. Колбочую проволоку и охрану сняли. Жизнь каждому из нас пришлось начинать с нуля, так как выезжать на родину не разрешалось нам в течение 20 лет, поэтому мы продолжали работать на прежнем месте. Зарплаты хватало на питание и можно было понемногу откладывать в запас. В 1948 году я впервые купил себе наручные часы «Победа». В 1949 году женился на самой красивой и обаятельной девушке, приехавшей на стройку после окончания школы ФЗО; стали работать вместе. В 1958 году моей бригаде присвоили звание «Бригада коммунистического труда». Сейчас к подобным званиям относятся скептически, тогда же для нас это

известие было большой радостью, признанием нашего труда не только товарищами по работе, но и государством».

49 лет проработал на стройке И. Г. Шуберт. Он награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом Октябрьской революции, медалями: «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и знаком «Заслуженный строитель РСФСР».

После выхода на пенсию его попросили еще поработать мастером производственного обучения молодых рабочих. И он с удовольствием согласился.

В 1996 году И. Г. Шуберт посетил своих родственников в Германии. Руководители отдела обучения кадров В. П. Луценко и Н. Я. Жаркова волновались: «А вдруг Иван Готлибович останется в Германии навсегда, — где мы найдем другого такого же опытного наставника?» Но он вернулся и, полный впечатлений от заграничного путешествия, признался:

«Живут там хорошо, но у меня за время поездки в саду столько работы накопилось...»

Несмотря на годы, Иван Готлибович Шуберт прожил интересную, содержательную жизнь, занимался садоводством, сохранял связи со стройкой, периодически обучал строительному делу группы молодых рабочих и в этом видел свое призвание и смысл жизни. Но в 90-е годы началась в стране «перестройка». Жизнь людей труда и пенсионеров стала стремительно ухудшаться. Иван Готлибович уехал к родственникам в Германию, там и закончил свою жизнь.

СЕРНОКИСЛОТНЫЙ ЗАВОД

После тяжелого ранения Борис Павлович Сафронов приехал в Челябинск и в июне 1944 года устроился работать на Сернокислотный завод нормировщиком. Вскоре его избрали, а райком ВЛКСМ утвердил, секретарем комсомольской организации.

Шла война. Завод, как и вся промышленность Челябинска, работал в режиме военного времени. В цехах преобладал тяжелый ручной труд. Рабочие в перерыв обедали в специально оборудованной столовой по карточкам. Сернокислотное производство относилось к разряду вредных, поэтому обеды в столовой были неп-

лохие, по тем временам. «Когда же заступала на работу комсомольская смена бригадира Петра Кельбина, — вспоминал Б. П. Сафронов, — мне приходилось работать на заводе круглые сутки, а по карточкам я мог пообедать только один раз в день. И тогда жена, Лидия Николаевна, работавшая в конторе, приносила мне что-нибудь поесть прямо на рабочее место.

Работать в цехах можно было только в противогазах, а их не хватало. Рабочие обеспечивались лишь противогазными коробками и гофрированными трубками с наконечниками, которые мы называли «сосками». Взяв «соску» в рот, всю рабочую смену люди дышали ртом через трубку.

Однажды к нам на завод приехал лектор. Мы выделили ему хороший противогаз. «Да зачем он мне? Не надо, я так прочитаю», — отказался от противогаза лектор. Но, проговорив всего минут пять, он с шумом рухнул под стол. Мы его подхватили на руки и побыстрее вынесли на свежий воздух. Лекция сорвалась.

Сейчас этот завод стал цехом Челябинского электролитного цинкового завода. Конечно, теперь в цехе новое оборудование, для лекции имеется хороший красный уголок, а рабочие работают в комфортабельных, по сравнению с нашими, условиях, добиваются неплохих результатов и достойно встретили в 1995 году 60-ю годовщину своего завода».

ЗАВОД «КОМПРЕССОР»

После ранения и лечения в госпитале медицинская комиссия признала Юрия Ивановича Озерского непригодным для дальнейшей службы в армии. В конце 1943 года он вернулся домой, в Челябинск, и устроился работать на завод «Компрессор». Этот завод, эвакуированный из Москвы, располагался на углу улиц Елькина и Труда, на задах Табачной фабрики, и выпускал оружие возмездия — гвардейские минометы «Катюши».

«Работали мы на заводе, — вспоминал Ю. И. Озерский, — в две смены по 12 часов, а при пересменке, перед выходным днем — по 16 часов. Перед каждой крупной операцией на фронте ворота нашего завода закрывали и, выполняя важнейшие заказы фронта, мы, по существу, находились в изоляции. Так, например, перед наступлением на Берлин мы две недели работали, спали и питались на за-

воде. Питание было архискверное. Я помню свой первый заводской обед. Мне налили тогда суп — обыкновенную, воду, в которой плавали три крупинки риса и селедка. Я такой суп не смог есть. Но мне сказали: «Пару дней поработаешь — добавку просить будешь».

Да, мы на фронте рисковали, по несколько дней «нежрамши» бывали, но потом появлялись пайки из «НЗ», и как-то это все незаметно происходило. В тылу же царил монотонный, изнурительный, голодный труд. И вот когда говорят, что в Великой Отечественной войне победил советский народ — это очень точное определение. Люди, объединенные одной идеей, одним стремлением одержать победу, работали на износ, делали чудеса и победили».

БЫЛ ТАКОЙ ЗАВОД

В Заречье, среди старых бревенчатых изб, на месте, где в настоящее время возвышается Челябинский цирк, до 1941 года в двух небольших зданиях размещалась артель под названием «Штамп», которая изготавливала замки, покрывала изделия никелем, выполняла различные ремонтные работы. А когда началась война, всего за несколько недель здесь был организован завод по производству ручных гранат для фронта.

Заслуженный ветеран Михаил Семенович Гавриленко, работавший в первый год войны на этом заводе наладчиком станков, рассказывал: «В основных цехах завода стояли станки и прессовое оборудование, эвакуированные с запада. На них изготавливались детали гранат. Самой сложной работой считалось прессование. Среди опытных прессовщиц числилась жена директора завода. Семья директора жила в двухкомнатной квартире возле заводской конторы. Сборочный цех находился через дорогу, чуть дальше современного «Торгового центра». Завод выпускал два типа гранат: наступательные «РДГ-33» и оборонительные «Ф-1». Основную часть рабочих составляли женщины и подростки, они работали в три смены, круглые сутки. Обеды им привозили прямо в цеха в термосах и стоили они 70—80 копеек. Зарботки же колебались от 80—200 рублей в месяц.

Работали слаженно, дружно. Что такое нарушение трудовой дисциплины — не знали. Здесь, в сборочном цехе, я вступил в комсомол. При заводе имелся скверик метров 30 на 70. В нем мы по

линии ОСОАВИАХИМА изучали военное дело, винтовку, пулемет и гранаты, которые сами же делали.

В свободное время по инициативе комсомольской организации часто совершали культпоходы в Челябинский театр оперетты, который располагался в здании, ставшим позднее Дворцом культуры ЧЭМК. Челябинские артисты создавали замечательные, незабываемые спектакли: «Южная ночь», «Вольный ветер», «Баядера», «Холопка» и другие. Однажды после очередного спектакля при выходе из театра нас встретил люди в военной форме. «Облава», — заметил кто-то. Всех, у кого не было при себе документов, в том числе и меня, задержали, доставили в милицию и выпустили лишь утром, когда выяснили, кто мы такие. Невыспавшиеся и голодные, мы бегом побежали на свой завод, и только одно беспокоило нас тогда, как бы не опоздать на работу и не подвести своих товарищей. Время было такое — война шла...»

В 1942 году М. С. Гавриленко ушел добровольцем на фронт, а в 1944 году, после ранения, оказался в Челябинском госпитале. Выздоровев, он не раз приходил на свой завод, встречался с друзьями и даже на некоторое время вставал к станку.

После войны завод «Штамп» стал именоваться «Опытно-экспериментальным заводом» и освоил выпуск мирной продукции.

И ЗВУЧАЛО В ШЕРШНЯХ — «ОТ ВИНТА!»

Авиаремонтная мастерская в поселке Шершни располагалась в бывшем хозяйстве местного богача и включала в себя фюзеляжный цех, моторный цех и кузницу. Перед войной мастерскую расширили, построив из бутового камня еще два помещения.

Челябинец Михаил Семенович Гавриленко, начинавший свою трудовую деятельность на этом предприятии, вспоминал:

«В годы войны в нашей авиамастерской работало приблизительно 150 человек. Одни рабочие жили в Шершнях, другие приезжали из Челябинска на специальном автобусе. На обнесенной высоким забором площадке всегда стояли 5—6 самолетов «У-2», ожидая очереди для ремонта.

Отремонтированный самолет, сопровождаемый ватагой ликующих поселковых ребятишек, выталкивали на окраину села, в поле. Главный специалист инженер Фоменко поднимался в кабину, кто-

то из ремонтников выходил вперед, брал обеими руками конец лопасти пропеллера, готовясь крутануть его. Раздавались команды:

— От винта!

— Есть от винта.

— Контакт!

— Есть контакт.

Мотор заводили, и Фоменко улетал на аэродром, располагавшийся на месте современного жилого массива Северо-Западного района Челябинска, сдавал самолет по акту и пешком возвращался обратно».

Среди шершневской молодежи существовало тогда мнение, что после окончания войны их авиамастерская обязательно превратится в авиационный завод, на котором будут строить большие самолеты, способные летать на Северный полюс. Но послевоенный строительный бум не коснулся поселка Шершни, а авиамастерская вскоре прекратила свое существование. В ее освободившихся цехах разместились предприятия сельскохозяйственного назначения, до настоящего времени работающие на село.

О БЫЛОМ

Петр Степанович Кочетков занимал самую почетную должность среди челябинских металлургов — он был председателем Совета ветеранов Металлургического комбината. Дел у него всегда было много, но он нашел возможность поделиться воспоминаниями о временах своей молодости. Его рассказы, как и вся его жизнь, оказались на редкость интересными и увлекательными, — используя их, можно было бы написать целую книгу. Ниже приводятся некоторые любопытные факты, свидетелем которых он являлся.

1. Завод имени Орджоникидзе

Перед войной я закончил 10 классов и устроился работать на Челябинский станкостроительный завод имени Орджоникидзе. В годы войны на этом заводе делали все, начиная от пистолетных патронов, кончая морскими торпедами. Зарабатывал я немного — 70— 100 рублей в месяц. А булка хлеба на базаре стоила 400 рублей, стакан пшена — 70 рублей, бутылка водки — 1200 рублей. Но

некоторые заводские рабочие из числа стахановцев зарабатывали большие деньги. Один из них, по фамилии Родин, получал до 25 тысяч рублей в месяц и на свои деньги купил танк для Красной Армии. В нашем цехе долго висел фотоснимок этой грозной машины с надписью белой краской на башне: «От Родина — Родине».

Работали на заводе по режиму военного времени, круглые сутки, по 12 часов в смену. Питались очень плохо. На день нам выдавали по 800 граммов черного хлеба, суп — одна вода. Съешь свою порцию за раз — и целый день голодный. Бывали случаи, во время утренней переключки кого-то на месте не оказывалось.

— Где он?

— Убили в городе, — отвечали его товарищи.

Криминальная обстановка тогда была не то что сейчас... Часто нас переводили на казарменное положение. В цехе устанавливали кровати, на которых рабочие спали по очереди. Бригадир увидит, что человек у станка засыпает, с ног валится, хватает его, укладывает в кровать, с кровати поднимает другого рабочего, и так до самой Победы.

2. Хор Южного Урала

Как ни тяжело было в годы войны, а культурная жизнь в городе не замирала. Дворца культуры у завода тогда не было, но имелся клуб в бараке, и я с удовольствием занимался в клубном танцевальном кружке. В 1943 году в Челябинске начал организовываться «Русский народный хор Южного Урала», под руководством композитора и музыканта М. Я. Черняка. Меня неожиданно запросили с завода в танцевальную группу этого хора. Руководитель хора позднее, на досуге рассказывал, что к этому запросу имел отношение лично секретарь обкома партии, пообещавший директору завода вместо меня прислать двух квалифицированных рабочих. Так я стал танцовщиком большого концертного коллектива.

В этом же году в Москве в Концертном зале Имени Чайковского состоялся смотр-конкурс аналогичных хоров из разных регионов страны. Мы в нём участвовали. Первое место жюри конкурса предпочло отдать Воронежскому хору, второе — Северному. Наш хор оказался на четвертом месте. Воронежцам, как победителям конкурса, предоставили возможность пополнить свой состав

за счет других, участвовавших в смотре хоровых коллективов. В числе тех, на кого пал их выбор, оказался я.

По прибытии в Воронеж дали мне комнату в общежитии, и через несколько дней репетиций мы поехали с концертами по фронтам. Месяцами выступали на передовой. Приезжали на неделю-две на отдых и репетиций и — снова на фронт.

В один из приездов в Воронеж, уже после победы, мне сообщили, что из Челябинска пришла на мое имя награда медаль «За Доблестный труд». Знали бы вы, как я рад был тогда от того, что земляки не забыли и по достоинству оценили мою работу на заводе имени Орджоникидзе.

Эту медаль я бережно храню, она моя гордость.

3. В освобожденном Киеве

Мы со своими фронтовыми концертами следовали почти по пятам отступающих немцев. В столицу Украины Киев наш поезд пришел, когда на окраинах города еще происходила стрельба. Я к тому времени дополнительно исполнял обязанности инспектора хора: И в целях ознакомления с обстановкой вышел на центральную улицу Крещатик. Некогда красивейшая улица, гордость киевлян, лежала в руинах. Кругом битый кирпич, незасыпанные воронки от авиабомб и снарядов — обычная картина прошедших боев. Но от того, что я увидел на том месте, где в настоящее время возвышается Киевский главпочтамт, у меня по коже пробежали мурашки. На семи виселицах, поставленных в ряд, покачивались тела повешенных.

— Эти изверги казнены по решению народного суда возмездия, — пояснили мне. Время клонилось к вечеру, начинало смеркаться. По возвращении в свои вагоны я рассказал об увиденном. А утром, когда мы вновь пришли на Крещатик, мертвецы уже отсутствовали, лишь обрезки веревок болтались на виселицах. Рассказывали, что повешенных сняли потому, что в город приехал Воронежский русский народный хор и негоже было портить настроение гостям — артистам.

4. Именины товарища Сталина

9 декабря 1949 года И. В. Сталину исполнилось 70 лет. В связи с этим в Кремле было организовано торжество с привлечением лучших артистических коллективов страны, в том числе и артистов

Воронежского хора. Когда мы входили в Кремль, большое впечатление на нас произвели красноармейцы, стоявшие нешелохнувшись, по стойке смирно, устремив взгляд прямо перед собой. Казалось, что на проходивших мимо людей они не обращают никакого внимания, но нам сказали:

— Они на вас не смотрят, но все видят.

В Кремлевском дворце хор встретили, разместили в двух комнатах, показали, где находятся вспомогательные помещения, попросили ждать и в коридор не выходить. А в коридоре прогуливались строгие люди в штатском.

Ждать своей очереди для выступления нам пришлось несколько часов. Все страшно проголодались и хотелось курить. Баянист Н. М. Руденко приоткрыл дверь в коридор и попросил у проходившего мимо штатского:

— Товарищ, не найдется ли закурить?

А товарищ, как глухонемой, как мумия, проследовал мимо, даже не отреагировав на просьбу.

Наконец появился главный распорядитель и с ним несколько человек. Артистов попросили выйти из комнаты, а мне как инспектору хора остаться. После чего буквально переворошили весь артистический инвентарь, проверили и перетрясли все музыкальные инструменты и только тогда по узким лестницам и коридорам проводили нас на сцену Георгиевского зала.

Перед самой сценой спиной к нам сидели за столом люди, в середине — человек с плешью на макушке, слева от него — члены политбюро и правительства, справа — иностранные гости. А вдоль зала за длинными рядами столов располагались приглашенные. Среди них я сразу увидел пышные усы С. М. Буденного, мощную фигуру маршала Г. К. Жукова и на полторы головы возвышающегося над всеми маршала И. Х. Баграмяна. Но я искал глазами и не мог найти, а где же товарищ Сталин.

При объявлении номера «Песнь о Сталине» человек с плешью на макушке повернулся к нам на пол-оборота, и я увидел буквально в трех метрах от себя покрытое следами оспы лицо Иосифа Виссарионовича. С равнодушным видом он слушал о себе песню и курил папиросу, а когда песня закончилась, слегка похлопал в ладоши, повернулся к нам спиной и больше на нас не обращал внимания.

Потом, когда я рассказывал об этом своим друзьям, никто не верил, утверждая, что у товарища Сталина волосы густые, а курит он только трубку.

После выступления хор проводили на первый этаж в банкетный зал, а там — уже столы накрыты. На столах — что душа пожелает. Все, что хочешь пить, — пей. Все, что хочешь есть, — ешь, даже свежая земляника была. Ну и мы за здоровье товарища Сталина пили и ели. Кто-то только заикнулся по поводу курева, как официанты тут же несут каждому по пачке папирос «Любительские» и по коробке спичек.

Наевшись до предела, довольные, мы стали подниматься из-за стола. Вдруг появляется главный распорядитель и говорит:

— А вы это куда? Мы еще вас обедом не кормили.

Оказывается, на столе была только закуска.

А при выходе в фойе Георгиевского зала нам повстречался С. М. Буденный уже навеселе со своей свитой. Увидев нашу солистку Марию Мордасову, он со словами «Дорогие мои земляки» заключил ее в свои крепкие объятия.

Так завершились самые грандиозные именины, на которых мне довелось побывать...

После войны П. С. Кочетков приехал в Челябинск, где до самой пенсии работал на Metallургическом комбинате, оставшись преданным ему навсегда.

ЭХ, А КАКОЙ ТРЕСТ БЫЛ

С каждым годом все меньше остается на учете в ветеранских организациях участников Великой Отечественной войны. А было время, когда на строительстве Челябинского металлургического завода работало много бывших фронтовиков, среди них Юрий Иванович Озерский, инвалид войны. В шестнадцать с половиной лет он поступил в военное пехотное училище, но проучившись в нем всего четыре месяца, согласно приказа И. В. Сталина, в числе роты курсантов был отправлен на фронт. Спустя более полувека о первых днях своего пребывания на фронте он вспоминает теперь с легким юмором, ничего не приукрашивая.

«В конце августа на нашем участке фронта шли бои местного значения. Поступил очередной приказ идти нам в наступление. Мы

поднялись во весь рост, рассредоточились в цепь и двинулись по ровному полю. Впереди виднелся лес и стога сена, а метров сто позади за нами шел заградительный отряд НКВД. Если раненый солдат падал, его заград-бойцы подбирали, оказывали необходимую помощь. А с симулянтами и трусами поступали по закону военного времени.

Я нес пулемет, рядом шагал мой 2-й номер Сашка с запасными дисками и винтовкой в руках. Вначале немцы лишь постреливали, а потом открыли огонь из «ванюш», так именовали минометы залпового огня, мины которых, если разрывались сзади нас, то никакого вреда не приносили, так как осколки их разлетались не в разные стороны, а строго по направлению полета мины. Мы знали об этом, поэтому ускорили шаг, а потом с криком ура побежали. И вот именно в это время оторвалась пуговица у моих кальсон, они спустились вниз и мешают бежать. Останавливаться нельзя — сзади НКВД. Я кричу Сашке: «Подержи пулемет!» На ходу поправил свои дела. А когда до стогов сена оставалось метров 200, стога вдруг зашевелились и из-под сена выползли немецкие танки. У нас же никаких противотанковых средств нет. Все, в том числе и заградотряд, повернули назад и побежали обратно. Так бесславно закончилась моя первая атака, показавшая, что в амуниции солдата нет второстепенных вещей, даже маленькая пуговица и то может иметь большое значение.

Последующие бои мы вели более успешно, пока не вышли к Десне. Форсировали реку. По изрезанному оврагами берегу поднялись наверх, а там — немецкие танки. С ходу вступили в бой. Забросали бутылками с зажигательной смесью и сожгли два танка, остальные отошли метров на 200, остановились и открыли огонь из пушек и пулеметов... На третий день боя комполка прислал с того берега приказ: «Броском на сто метров вперед!» Мы головы не можем поднять, а тут — на сто метров вперед. Командир взвода приказал мне пробраться к реке, где сохранялась связь со штабом полка, доложить обстановку и попросить поддержку артиллерией.

Немец же в танке оказался опытным и хитрым. Он заметил то место, откуда я выскочил, взял его на прицел и ждал. Целился в голову, но я возвращался пригнувшись. Ему пришлось взять чуть ниже, очередь пришлась мне по ногам, и я плюхнулся на дно окопа.

— Юрка! Ты жив? — кричат мне из укрытия, — сейчас санитар приползет. Держись!

Санитару не хватило одного-двух движений, чтоб оказаться в моем окопе. Длинная очередь из танка и... С прострелянной шеей санитар скатился головой вниз прямо на мои перебитые ноги, от чего боль стала еще невыносимей. А ноги санитара остались торчать снаружи, над окопом, немец видит их и лупит, и лупит по ним. Через бровку из соседнего окопа мне перебросили ремни, чтоб с их помощью стащить труп санитара, но тянули, тянули — так и ничего не получилось. Только с наступлением темноты пришла, наконец, помощь. Ночью переправили меня на другой берег, а затем в тыл».

Вернувшись в Челябинск инвалидом Ю. И. Озереский вначале работал на заводе «Компрессор», а в 1949 году после окончания Челябинского строительного-монтажного техникума прибыл на строительство металлургического завода.

«Моим первым объектом на ЧМЗ стал электроремонтный цех, — рассказывая он. — Будущий цех в то время был обнесен деревянным забором со сторожевыми вышками по углам, так как строили его военнопленные немцы. Их привозили на машинах под охраной из лагеря, расположенного возле тридцатого поселка. Я и раньше встречался с немцами на фронте, но здесь они выглядели совсем по-другому, вежливыми и культурными. Пленных разделили по армейскому принципу на отделения, взвода и роты. Командиром моей роты был некий Ленкольн, бывший танкист, сдавшийся в плен в 1942 году и уже хорошо изучивший русский язык. Он рассказывал мне, что имеет 200 гектаров земли в Германии и 300 гектаров в Африке, и что управляющий его африканским имением ежеквартально присылает ему в Челябинский лагерь отчет о проделанной работе. Я спросил Ленкольна:

— Сколько в твоей роте каменщиков?

— А зачем это вам? — ответил он, — давайте задание и будьте свободны, а вечером приходите принимать выполненную работу.

Внешне пленные на работе вроде бы еле-еле шевелились, но к концу дня задание выполняли точно, не больше и не меньше. Об их отношении к порученному делу говорит такой эпизод: однажды пленный поднял до уровня груди тяжелый шлакоблок, и ему оставалось только задвинуть его на щит настила. Но раздался звон удара молота о висевший на проволоке кусок рельса, означавший начало обеденного перерыва. Пленный тут же расслабил руки, бросил шлакоблок на землю и пошел. Я спросил его:

— Почему ты бросил блок?

- Так обед же.
- Но после обеда тебе все равно придется его поднимать.
- Да, но это будет уже после обеда, — ответил он.

При содействии международной организации «Красный крест» многие пленные получали от своих родственников письма и продуктовые посылки. Им регулярно поступала специальная газета, издаваемая на немецком языке. Девяносто процентов площади этой газеты отводилось под брачные объявления. Писали женщины, причем их не интересовали рост, цвет глаз, высокие чувства, они предпочитали в своих избранниках деловые и материальные качества. Одна женщина-владелица колбасного цеха искала спутника жизни, который имел бы в собственности бойню. Другая женщина, фармацевт по профессии, надеялась найти мужа с аптекой. Такие взаимоотношения между людьми нам — советским гражданам, были непонятными и казались противоестественными.

После окончания срока пребывания военнопленных немцев в СССР, в назначенный день к лагерю тридцатого поселка подали автобусы, чтобы отвезти иноземных строителей на железнодорожный вокзал. Но они от транспорта отказались. Построились в колонну и со своим духовым оркестром впереди прошагали по улицам Сталеваров, Шоссе Металлургов, у Центрального клуба повернули налево и ушли в сторону города. Прохожие с любопытством рассматривали их. Никто в пленниках не бросал. Отношение к ним было вполне благожелательное.

Ну, а жизнь на стройке продолжалась. Вскоре меня назначили начальником участка «Коксохимстроя», где строительное управление возглавлял один из первостроителей завода Абрам Самойлович Черный. За многие годы работы с ним я не знаю ни одного случая, когда бы он повысил голос в разговоре с подчиненными. Он, высокограмотный специалист, впоследствии кандидат наук, профессор, умел организовывать людей и сплачивать коллектив. Когда управлению поручали строить новый объект, он собирал всех начальников участков к себе в кабинет, каждому выдавал рабочие чертежи и просил подумать, как лучше начать и вести строительство. А через несколько дней на эту тему проводил совещание, на котором каждый из нас докладывал о своем видении строительства. В итоге за основу принимался оптимальный вариант и начинались на новом объекте работы. Свое стремление к новаторству и умение предвидеть техническое развитие минимум, как на год вперед, А. С.

Черный в полной мере реализовал в дело, когда занимал должность главного инженера треста. В его бытность в «Челябметаллургстрое» ежегодно внедрялось какое-либо серьезное новшество, которое впоследствии перенимали другие строительные организации. Не случайно строительные ВУЗы разных городов стремились направить своих студентов для прохождения практики в «Челябметаллургстрой».

На этом месте Ю. И. Озерский прервал свой рассказ, так как в комнату вошла его жена Елена Николаевна, тоже многие годы работавшая на строительстве ЧМЗ.

— Прошу к столу,— пригласила она.

— Юрий Иванович достал бутылочку крепкой. Наполнил бакалы. Долго молчал. А потом с сожалением и с болью в душе произнес:

— А от Ордена Ленина «Челябметаллургстроя» за годы так называемых реформ остались только рожки да ножки. Вчера на базаре я встретил знакомого, сравнительно молодого, способнейшего инженера-строителя. Сколько бы он мог пользы принести. А он сейчас вынужден торговать семечками. Эх, а какой трест у нас был...

СОЛДАТЫ ТЫЛА

88-летняя челябинка Клавдия Васильевна Родина(Ренева) впервые пришла на строительство Челябинского тракторного завода имени Сталина в 1931 году. А с 1936 года работала в холодноштамповом цехе этого завода электросварщицей 5 разряда. Ей доверяли сваривать самые ответственные конструкции. Вспоминая о своей молодости, она всегда говорит своим собеседникам: «Вы, конечно, видели танк на Комсомольской площади, стоящий на постаменте с надписью:

«Уральцы, вам, чьи руки золотые
ковали здесь победу над врагом...»

Так вот в создании таких машин и я принимала участие. Электросварщики моей бригады заступали на трудовую вахту в годы войны часто со словами: «За Родину, за Сталина!» Мы изготовляли для танков баки под горючее. Стенки их были из тонкого металла, всего 2-3 миллиметра, а швы требовалось проварить так, чтоб и пропусков не оказалось и металл не прожечь. Каждый бак

после сварки испытывался в емкости с водой путем нагнетания в него воздуха. Если пузырьки появились — значит в этом месте дырка, то есть брак».

Здесь на заводе Клавдия Васильевна встретила свою первую любовь. Ее муж Петр Петрович Ренев тоже был электросварщиком, имел 6 разряд и работал в сборочном цехе. «Его портрет, вот такой величины, — и Клавдия Васильевна показывает на стену своей квартиры, от пола до потолка, — висел у проходной ЧТЗ. В войну ему часто приходилось ночевать в цехе. От электросварки глаза сильно уставали, поэтому к концу 12-часовой рабочей смены он нередко терял зрение, его домой ослепшим под руки приводили. Питание тогда было плохое, правда, рабочим по 800 граммов хлеба давали, но остальное-то вода. Не раз от переутомления он терял сознание, и его на носилках выносили из цеха. Поэтому не случайно в годы войны за ударный труд ему вручили орден Красной Звезды, то есть орден, которым награждали солдат на фронте».

В настоящее время Петра Петровича — заслуженного электросварщика, мастера спорта, неоднократного победителя первенства Челябинска по городкам, уже нет, он умер в возрасте 76 лет. А Клавдия Васильевна в канун 65-летия ЧТЗ достала свои награды: медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.» и, рассказывая о них своим внукам, заметила: «Тогда все так работали, ведь не хозяину старались угодить, а делали все, для того, чтоб как можно скорее разгромить лютого врага».

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ - НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

В комнате, где живет Ирина Васильевна Волкова, старая мебель, чистота, на комодке ваза с красными гвоздиками. Это соседи принесли и подарили ей в канун дня рождения. А исполнилось Ирине Васильевне 92 года. В 1914 году впервые приехала она с матерью в Челябинск навестить перед отправкой на германский фронт отца, проходившего службу в красных казармах.

— Тогда солдаты почти все были детными, — рассказывала она, — я помню, как сидела на солдатских нарах и ела гречневую кашу. Ах, какая это была вкусная каша! Сейчас гречки нет такой, зерно, наверное, другое пошло.

Потом всей семьей мы молились Богу за отца. Помогло. Отец вернулся домой живым и здоровым. А вот о муже моем Господь молитву не услышал.

Ирина Васильевна достала из своего «тайника» пожелтевший уже, надорванный в местах перегиба листок бумаги, на котором значилось: «Ваш муж, красноармеец Волков Егор Яковлевич, 1907, уроженец Челябинской области... В бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявил героизм и мужество, был убит 20.05.42... Похоронен в могиле южнее дер. Себеж». Внизу круглая гербовая печать и подпись: командир 735-го стрелкового полка, капитан Пешков. Это извещение-похоронку она хранит более полувека, бережно, как частицу своей прежней жизни. Смахнув платком слезы на глазах, она продолжала:

— Мой муж работал грабарем, вручную выкорчевывал деревья на территории будущего АМЗ. Вначале 1942 года в карьере он дробил камни, размахнулся кувалдой, кувалда с черенка слетела — и прямо ему по ноге. Так с распухшим коленом он ушел на фронт.

В годы войны я работала на ЧТЗ браковщицей. Трудились мы тогда по 12 часов в сутки. Часто ночевали в цехе. Вероятно, от перенапряжения и от недоедания что-то случилось у меня с ногой. Нога стала распухать. «Э, нет, Ирина, иди в санчасть», — сказал мне парторг цеха. — И я пошла. Ну вот не дураки ли были врачи, у меня нога болит, а они градусник ставят. Температура нормальная, говорят, иди работай. Вот так я и стала инвалидом. Поддерживала себя травами. Я много знаю лекарственных трав.

Кончилась война, подросли сыновья, младший, Борис, закончил институт и работал в системе теплоснабжения. Заимели хорошую квартиру и садовый участок. Худо-бедно, а жизнь налаживалась, постепенно с каждым годом улучшалась. Но грянула горбачевско-ельцинская перестройка и все пошло прахом. Сначала погиб старший сын, он спешил на работу, пытался сесть в электричку, его прижало дверью, поволокло и... А в 1996 году Борис вышел на улицу и его возле парка Победы убили. Кто, зачем — никто не знает, — и Ирина Васильевна горько заплакала.

К 90-м годам у ней притупился слух, ослабло зрение, по комнате передвигается с трудом на костылях. Но без дела не сидит: шьет, вяжет, вкусно готовит. Любит смотреть телепередачу «Поле чудес», удивляется, откуда у ведущего столько подарков. Она даже написала ему письмо с просьбой: «Леонид Аркадьевич, пришли

мне, пожалуйста, инвалидную коляску...» Но увы, в жизни чудес не бывает, телевидение даже не посчитало нужным ответить ей. А вот администрация Советского района Челябинска в день Победы подарила И.В. Волковой, как бывшей труженице тыла и вдове погибшего на фронте солдата, халат и коробку шоколадных конфет, чему Ирина Васильевна очень и очень рада.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПОЧТАЛЬОН

Было время, когда мы на почтовый конверт наклеивали марку достоинством всего 4 копейки. К праздникам отправляли своим родным и знакомым пачки писем и столько же получали от них поздравлений по почте. Почтовая связь соединяла и сближала людей, проживающих в разных регионах страны, от Владивостока до берегов Балтики, и тем самым крепила единство России. В сороковые годы было достаточно свернуть письмо в треугольник, приклеить марку и письмо обязательно находило своего адресата. Солдатские письма путешествовали по стране вообще без марок. У коллекционера города Верхнеуральска храниться письмо, присланное ему из города Сочи в 1961 году. Отправитель этого письма сорвал с дерева зеленый листок, написал на нем адрес, а на обороте текст: «Мыс Видный – курорт незавидный, а уральские ночи прекрасней, чем Сочи», приклеил марку в 4 копейки, опустил в почтовый ящик, и письмо без проблем дошло до адресата. В СССР почта работала, как часы, почтальон всегда был желанной персоной и в больших, и маленьких домах, а дети любили декламировать стихи: «Это он, это он ленинградский почтальон». И это не случайно, ведь в Петербурге начиналась история Российской почты. Даже в годы Великой Отечественной войны почта бесперебойно работала в блокадном Ленинграде. Одна из Ленинградских почтальонов Александра Емельяновна Зырянова, ныне проживающая в Челябинске, в канун праздника 8 марта, когда зашла речь о современной дороговизне поздравлений по почте, поделилась своими воспоминаниями:

«Когда началась война, меня 18-летнюю девчонку направили рыть окопы, а через месяц, наверное, потому, что ростом я была один метр 52 сантиметра, и землекоп из меня получился неважный, меня перевели в 164-е почтовое отделение работать почтальоном.

Вскоре сомкнулось вражеское кольцо вокруг Ленинграда. Город подвергался постоянным бомбежкам и артиллерийским обстрелам. Над городом повисли заградительные аэростаты. Корабли, стоявшие на Неве, и зенитные орудия на стрелке Васильевского острова непрерывно отбивали авианалеты врага. В городе в различных районах начались пожары. Бадаевские, Калашниковские склады и американские горки на Петроградской стороне горели так, что ночью иголку найти можно было. Пронзительные гудки тревоги извещали население города о приближающихся самолетах противника. Под каждым домом были оборудованы бомбоубежища. Но я не спускалась в них, решив уж если погибать, так лучше у себя дома. Однажды ночью бомба взорвалась где-то рядом. Наш дом №5 на Университетской набережной так тряхнуло, что меня выбросило из своей кровати. Смотрю, а стекла в окнах нашей квартиры все целые, ни одно не разбилось. За окном с баржи, стоявшей на Неве, моряки вели огонь по самолетам противника. Лучи прожекторов, пересекаясь, ловили врага на небосводе. Утром я иду с почтовой сумкой по улице и вдруг из-за крыш домов с треском «вынырнул» немецкий самолет и обсыпал меня листовками, призывающими сдаваться в плен. «Эх, как жаль, что не сбросил он хотя бы маленький кусочек хлеба,- промелькнула у меня мысль. – Да уж лучше листовки, чем бомба»,- подумала я потом.

Нам, работающим, выдавали по 400 граммов хлеба на день, а когда прорвали блокаду стали выдавать по 600 граммов. Не все могли в таких условиях выжить. От голода умерли мой папа, брат и сестра. Как-то я делала выемку писем из уличного почтового ящика, и в это время кто-то с верхних этажей дома выбросил из окна труп умершего человека, вероятно, не имея сил похоронить его по-человечески. В 164-м почтовом отделении вначале было 6 почтальонов, четверо вскоре умерли. Нас, оставшихся, объединили с почтой №50. Мне, как и прежде, поручили обслуживать участок, включающий весь Васильевский остров от госуниверситета до Смоленского кладбища и до Декабристского кладбища в районе гавани. Наш начальник, Павел Иванович, почтальон с дореволюционным стажем, чтобы не путать номера квартир в подъездах в темное время суток, обеспечил нас фонариками. Но меня встретили в безлюдном переулке ребята-хулиганы и отобрали этот фонарик.

Разносила я почту по предприятиям: на завод, в папиросную и табачную фабрики, библиотеки в различные учреждения, всюду

пропуском для входа в них была моя толстая почтовая сумка на ремне. В сумке было три отделения для газет и писем. Газеты «Правда», «Ленинградская Правда», «Комсомольская правда» и, если память мне не изменяет, газета «Известия» выходили в Ленинграде почти каждый день. Писем вначале было мало, в основном, переписывались жители города, приходили письма от ополченцев с передовой линии фронта, а также похоронки. А вот когда прорвали блокаду, писем стало много. Адресаты встречали меня с радостью, целовали, когда я приносила им добрые вести и совсем по-иному встречали, когда приносила им похоронки. Бывало и так, приду по указанному адресу, а дверь закрыта, почтовый ящик переполнен ранее присланными письмами. В таких случаях в мои обязанности входило нести эти письма домоуправу, а тот писал на конверте: «выехал» или «умер», расписывался и ставил печать, после чего я относила эти письма на главпочтамт.

Однажды я вошла в дом по улице Тучкова, как сейчас помню во второй подъезд на второй этаж, в это время разорвался снаряд, и меня засыпало обломками. Кто-то на улице видел, как я входила в подъезд, и сообщил собравшимся людям, что сюда почтальонка только что заходила. Я пришла в сознание, когда меня раскопали, по лицу текла кровь, переправили в больницу, а там наложили на голове швы, забинтовали. Оказывается, меня спасла моя почтальонная сумка, она каким-то образом прикрыла мне голову и смягчила удар. Мне тогда даже больничный лист не выдали. Так с забинтованной головой я продолжала разносить почту. И все пешком. Только после прорыва блокады пошли по городу трамваи.

После войны я приехала с мужем Зыряновым Иваном Петровичем в Казанцево, позднее переехали в Челябинск. Вскоре муж умер, и я осталась одна. Сын и дочь живут отдельно. Посмотрю в окно, поплачу, люблю по радио слушать песни военных лет и сама, несмотря на 87 лет иногда пою эти песни. Хорошо что не забывает меня «Блокадное братство», оно было, есть и будет, ведь мы навсегда остались ленинградцами.

МОЙ СЫН, НЕ ЗАБЫВАЙ ВОЙНУ

Нина Васильевна Огнева типичная ленинградка, общительная, добродушная. Следы ранения на лице, полученного ею в дни блокады, почти незаметны. А ранение-то, какое.

Осколок величиной в сантиметр вошел ниже правого глаза и оказался внутри, выше левого глаза. Он так и остался там. «Вначале часто голова болела, — пояснила Нина Васильевна, — а потом осколок прижился — и ничего». Она достала свой дневник, исписанный аккуратным крупным почерком, строки которого рассказывали о прожитой ею большой и необычной жизни. И разрешила ознакомиться с ним. Ниже приводятся выписки из этого дневника.

Страничка первая

4 сентября 1941 года, после артобстрела, немецкие самолеты совершили налет на Ленинград. Они бомбили продовольственные склады и сожгли их. 8 сентября враг сомкнул кольцо вокруг города. Так началась блокада. Не стало света, воды, хлеба. Ленинградцы оказались обреченными на голод и холод.

27 ноября я получила ранение на Сенной площади. Взрывная волна отбросила меня на стену дома, и я с осколком в голове сползла на мостовую. Очнувшись в госпитале, из которого после двухмесячного лечения, дав расписку врачам, была вынуждена уйти домой, так как родители находились прикованными к постели, а с ними жил мой пятилетний сын Стасик.

Отец умер 29 января 1942 года, мать — 7 апреля этого же года. Умерли они от голода. А сына мне удалось сохранить.

Не забывай, сынок, тот день,
когда стрелял фашист-злодей,
и тот снаряд, что на Сенной,
едва не разлучивший нас с тобой.

Страничка вторая

Самые тяжелые и голодные месяцы в Ленинграде были декабрь 1941 года, январь и февраль 1942 года. Сына я устроила в кругло-суточный детский садик. Сама же все время находилась на заводе № 464. Работали мы по 12-16 часов в сутки. С «большой землей» Ленинград связывала только одна дорога по Ладожскому озеру. Другого пути не было.

Пусть песня Ладоги поведает народу,
как летом баржу за баржой
грузили мы и в зной и в непогоду,
забыв про отдых и покой.
Зимой машины мчались вереницей.
И лед на Ладоге трещал.
Везли ржаной хлеб и пшеничный,
который Ленинград мой очень ждал.

Страничка третья

Мой муж находился на передовой в ополчении. Был ранен и помещен в госпиталь. Я взяла сына и пошла к нему на свидание. Обрато возвращались через Неву по Литейному мосту. И вдруг начался артобстрел. Мы легли на проезжую часть. Снаряды летели через нас и падали в воду. Сын кричал и плакал, а я закрывала его своим телом и молила бога, чтоб снаряд не разорвался на мосту. Трудно передать тот страх, который испытывали мы в те минуты. Когда обстрел начал стихать, я взяла сына за руку и скорее потащила вперед. Сын бежал за мной и кричал: «Мама, у меня ножки болят». Вижу спешит к нам на помощь милиционер. Он подхватил сына на руки, а мне говорит: «Держись за меня!» Я схватилась за его карман и мы побежали так, что мне казалось летим, едва касаясь земли ногами.

Прибежав в убежище я потеряла сознание. А когда пришла в себя в убежище уже никого не было, рядом сидел Стасик и плакал.

Страничка четвертая

Однажды я оставила Стасика погулять во дворе, а сама побежала за хлебом. Взяла хлеб, 250 граммов на двоих, и вдруг мне сообщают, что немцы стреляют по Гражданской. Я бросилась домой. А он, гад, стреляет и стреляет и все сильнее и сильнее. Подбегаю к дому. Ох, какой ужас предстал передо мною. Весь двор зава-

тен железом, камнями, битым стеклом. Я истерически закричала: «Сынок!» Ноги мои подкосились и я упала. Ко мне подбежали девушки и говорят: «Жив ваш сын, жив. Бежим скорее». Подняли меня, а мои ноги не идут. Еле затащили в убежище. Подвели сына целым и невредимым. Я обняла его и рыдала уже от счастья. Оказывается, когда начался обстрел, Стасик спрятался за мусоркой. Первый лист упал с крыши прямо на мусорку, а потом скатился с нее и закрыл сына, спас, таким образом, ему жизнь.

Прошу, мой сын, не забывай войну,
все то, что пережил в годину ту,
бомбежку с воздуха, обстрел по сторонам
и маленькую дольку хлеба,
которую с тобой делили пополам.

Страничка пятая

В 1943 году в Ленинграде после длительного перерыва открылась баня. Потом трамвай пошел. А ленинградцы пребывали в таком состоянии, что с трудом поднимались в вагон, ноги-то от длительного голодания не слушались, И мы помогали друг другу при посадке. Радовались трамваю и от души смеялись над собой, над своей немощью. Верили, что со временем все наладится.

18 января 1943 года был совершен прорыв вражеского кольца. А 27 января 1944 года Ленинград салютовал нашим доблестным войскам, полностью снявшим блокаду. На заводе работа закипела с еще большей энергией. Трудящиеся Ленинграда старались дать армии все необходимое для окончательного разгрома врага, И каждый из нас в душе мечтал о скорой победе. Люди словно воспрянули духом. В цехе впервые стали слышны песни. Запоет один у станка, его поддержит другой, третий и огласится цех звонкой песней. Начальники смотрят на нас — рабочих и улыбаются.

Страничка последняя

Нина Васильевна с гордостью рассказывает о своем сыне и невестке. Действительно, ей есть, кем гордиться, Станислав Иванович Мамонтов много лет трудился на Магнитогорском штамповочном заводе, а перед выходом на пенсию работал заместителем директора строящегося в Челябинске завода «Полимер». Не хватило всего два года советской власти, чтоб этот завод вступил в строй

и обеспечил челябинских строителей своим добротным линолеумом.

«Я очень хотела, чтобы мой сын имел такой же знак «Жителю блокадного Ленинграда», какой имеют все блокадники, и писала об этом в Ленинград. Но там нашли в архивах лишь только то, что родился сын в поселке Дачном, а поселок этот в годы войны был оккупирован немцами, другие документы якобы не сохранились. И нам отказали в просьбе. Ну а теперь о чем можно говорить, если так много стало несправедливости, даже Ленинград переименовали. Сделали это приезжие, их много после войны переселилось на берега Невы. А нас—ленинградцев, там уж почти и не осталось», — пришла к невеселому выводу Нина Васильевна.

16 января 1999 года ей исполнилось 82 года. В этот день она вписала в свой дневник новое стихотворение, посвященное своим подругам-блокадницам, в нем есть такие слова:

А вот и старость подошла,
как тяжела эта дорога...

х х х

Знак же «Жителю блокадного Ленинграда» она так и не сумела выхлопотать для сына. Сын скоропостижно скончался, и Нина Васильевна почти сразу последовала за ним. Челябинская земля приняла их в свои объятия. Кто-то посадил на их могиле две березки. «Ленинградское братство» в Челябинске по-прежнему ежегодно собираются на свои встречи, где делятся воспоминаниями, читают стихи, исполняют песни о Ленинграде и зажигают свечи в память об ушедших из жизни товарищей. Две из этих свечей посвящаются матери и сыну, челябинским ленинградцам, которые всегда незримо присутствуют на этих встречах.

РОДИНА

Слова В.Лебедева-Кумача Музыка И. Дунаевского
(Из коллекции песен наших отцов и дедов)

Широка страна моя родная,
Много в ней полей лесов и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.
От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей,
Человек проходит, как хозяин
Необъятной Родины своей
Всюду жизнь привольно и широко,
словно Волга полная течет.
Молодым везде у нас дорога,
старикам везде у нас почет.

Припев

Наши нивы взглядом не обшаришь,
Неупомнишь наших городов,
наше слово гордое «товарищ» -
нам дороже всех красивых слов.
С этим словом мы повсюду дома
Нет для нас ни черных, ни цветных,
Это слово каждому знакомо,
С ним везде находим мы родных.

Припев

Над страной весенний ветер веет,
С каждым днем все радостнее жить
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить.
Но сурово брови мы насупим,
если враг захочет нас сломать,
как невесту, Родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать.

Широка страна моя родна
Много в ней полей, лесов и рек.
Я другой такой страны не знаю,
где так вольно дышит человек.

(Музыкальная фраза этой песни долгие годы
являлась позывными московского радио)

Содержание

Это нашей истории строки	3
Бойцы Танкограда	5
Ворошилов помог	10
Сталинградки	11
Командарм Комаровский	13
Трудармейцы	15
Трудармеец	17
Воспоминание о родном заводе	19
Испытание на благородство	22
Созидатели	25
Жизнь, отданная стройке	35
Сернокислотный завод	38
Завод «Компрессор»	39
Был такой завод	39
И звучало в Шершнях «От винта!»	41
О былом	42
Эх, а какой трест бы	46
Солдаты тыла	50
Жизнь прожить – не поле перейти	51
Ленинградский почтальон	52
Мой сын, не забывай войну	55
Родина	59
Содержание	60

Попов Лев Алексеевич
БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
(Вспоминают ветераны г. Челябинска)
Сери 13. Труженика тыла

